

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

**УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
ИТТСПИ**

2025 №1

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
НТГСПИ

SCIENTIFIC
NOTES
OF NTSSPI

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НТГСПИ

Серия: История и филология

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Нижнетагильского государственного
социально-педагогического института

ISSN: 2949-4982

2025

№ 1

SCIENTIFIC NOTES OF NTSSPI

Series: History & Philology

JOURNAL

published by
Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (NTSSPI)

ISSN: 2949-4982

2025

NUMBER ONE

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Члены редколлегии

Аникина Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) УрГПУ.

Голубкова Екатерина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета.

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) УрГПУ.

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

Ларионова Марина Бариевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой документоведения, истории и правового обеспечения Уральского государственного педагогического университета.

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Ольховиков Константин Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НТГСПИ (ф) УрГПУ.

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Чудакова Наиля Муллахметовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) УрГПУ.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Editor-in-Chief

Budaev E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language at Ural State Pedagogical University.

Editorial Board

Anikina T. V., Candidate of Philological Sciences, Head of Department of Foreign Languages and Russian Philology at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Ural State Pedagogical University.

Chudakova N. M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Ural State Pedagogical University.

Chudinov A. P., Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language at Ural State Pedagogical University.

Dzyuba E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of Institute of Humanities at Saint-Petersburg State Polytechnic University.

Golubkova E. E., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of English Lexicology at Moscow State Linguistic University.

Kirillov V. M., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Humanities and Socio-Economic Sciences at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Ural State Pedagogical University.

Kushneruk S. L., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Theory and Practice of the English Language at Chelyabinsk State University.

Larionova M. B., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Document Studies, History and Legal Enforcement at Ural State Pedagogical University.

Neklyudov E. G., Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher of Institute of History and Archaeology at Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

Olkhovikov K. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration at Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Popova T. G., Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Language Department at The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Porshneva O. S., Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Theory and History of International Relations at Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Serikov Yu. B., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Ural State Pedagogical University.

Solopova O. A., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Linguistics and Translation at South Ural State University (National Research University).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Потапов Н. М., Олешкова А. М.

Черносотенцы:

проблема определения

идеологического статуса 8

ФИЛОЛОГИЯ

Аникина Т. В., Ильиных А. С.

Особенности перевода топонимов

в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец»..... 26

Давыдкина О. Д., Дондик Л. Ю.

Стратегии перевода

французских библионимов

на русский язык 42

Ковалева С. О.

Английские неологизмы

в ракурсе когнитивного анализа..... 55

Люй Бинсюй

Метафорический образ США в китайских СМИ..... 68

Пологова К. В.

Концепт BRANDMAUER

как источник метафорического осмысления

политической борьбы в СМИ ФРГ 83

Информация для авторов 96

CONTENTS

HISTORY

Potapov N. M., Oleshkova A. M.

Black hundreds: the problem of determining ideological status.....	8

PHILOLOGY

Anikina T. V., Il'inykh A. S.

Translation peculiarities of toponyms in the novel "The Lord of the Rings" by J. R. R. Tolkien	26

Davidkina O. D., Dondik L. Yu.

Strategies for translating French biblionyms into Russian.....	42

Kovaleva S. O.

English neologisms in the terms of cognitive analysis.....	55

Lyu Bingxu

Metaphorical image of the USA in the Chinese media.....	68

Pologova K. V.

The concept BRANDMAUER as a source of metaphorical comprehension of political struggle in the German media.....	83

Submission Guidelines.....	96

ИСТОРИЯ

УДК 94

ЧЕРНОСОТЕНЦЫ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА

Н. М. Потапов

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
nik.yermolayev.05@inbox.ru

А. М. Олешкова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
oleshkova@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, к какому идеологическому спектру можно причислить черносотенное движение. По причине того, что в историографии отсутствует единое мнение о том, что представляет собой черносотенство как феномен, было принято решение проследить историю становления черносотенного движения, определить его основные и отличительные черты. Источниковой базой настоящего исследования послужила документация, связанная с деятелями черносотенного движения. К ним относятся воспоминания, политические сочинения, личную переписку, манифесты партий и собрания сочинений и речей, а также научные труды, посвященные истории зарождения и развития этого течения и затрагивающие проблематику определения его идеологического спектра. Методологической базой исследования данной работы является совокупность нескольких методик. Так, историко-генетический метод позволил рассмотреть причины появления черносотенного движения в России. Историко-сравнительный метод в сочетании с первым помог определить общие признаки, свойственные этим организациям и их лидерам, в разные исторические периоды, вплоть до наших дней. Это позволило выявить идеологический уклон самого движения и обозначить его специфику.

Ключевые слова: черносотенство, революция, Черная сотня, протофашизм, Россия, теория официальной народности.

1. Введение

Основная проблема определения идеологического статуса черносотенцев заключается в неоднозначности самого движения. В советской историографии они определялись, как «протофашистские» элементы [Степанов, 2005, с. 48–49], в современности же некоторые историки отмечают,

что «между черносотенством и европейскими формами фашизма было гораздо больше различий, чем общих черт» [Иванов, 2022, с. 897]. Например, британский политолог и профессор кафедры истории факультета гуманитарных наук Оксфордского университета Брукса Р. Гриффин в работе «Фашизм до и после Второй мировой войны: историческая роль, идеологические установки, политическое значение» предпринял попытку раскрыть суть данной идеологии. Ученый выделил черты фашизма, характерные для межвоенного периода: идеи неминуемой ультранационалистической революции и создание «нового человека», диктатура, террор, использование образов и ритуалов, попытка возрождения нации и сочетание различных идеологических течений [Гриффин, 2014, с. 345–347]. Также Р. Гриффин отметил, что разновидности фашизма и его уникальные идеи во многом зависят от национальной специфики в определенной исторической и политической сфере, где он возникает [Гриффин, 2014, с. 343].

Советский и российский историк А. Галкин, выступая с марксистских позиций, охарактеризовал фашизм как «выражение острого социального и политического кризиса капитализма», для которого свойственна диктатура, а также как «стремление к тотальной регламентации жизни общества и реорганизации его на военизированной основе, апелляция к национальным чувствам и шовинистическим инстинктам делали его эффективным инструментом подготовки к проведению территориальной экспансии» [Галкин, 1989, с. 8]. При этом А. Галкин, как и Р. Гриффин, отметил, что при всех общих чертах этого понятия в нем присутствуют «специфические национальные формы», что еще раз подчеркивает мысль о том, что фашизм — уникальное явление.

Термин «черносотенцы» также известен в литературе как «революционеры справа», поскольку после обновления государственного строя реакционные круги стремились к возвращению неограниченной самодержавной власти монарха [Иванов, 2022, с. 891]. Самоназвание «черносотенцы-монархисты» отсылает к нижегородской черной сотне, которая собралась рядом с Кузьмой Мининым во время русско-польской войны 1609–1618 годов [Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 4, 1910, с. 136].

На деле же это название является собирательным для различных общественных сил и движений «правого» толка, которые начали массово появляться на территории Российской империи как консервативная реакция на события Первой русской революции в январе 1905 года и ослабление института монархии на территории страны. Как следствие, они стремились к воссозданию могущественной и неделимой России, которая управлялась бы неограниченной самодержавной властью монарха [Там же, с. 141], а также к борьбе с внутренними врагами в государстве. К таким так называемым внутренним врагам относились конституционалисты, демократы, социалисты, революционеры, анархисты и евреи [Там же], с которыми предполагалось бороться всеми доступными средствами. Необходимо от-

метить, что хоть документы черносотенцев и отличались друг от друга по содержанию и руководители конфликтовали друг с другом [Стогов, 2012, с. 528], но, по сути, основные идеи прослеживаются во многих положениях правомонархистов, и дальше мы в этом убедимся.

Нужно понимать, что данное движение не ограничивалось одним лишь социальным слоем. Как отмечает А. А. Иванов, «все черносотенцы были правыми, но далеко не все правые — черносотенцами» [Иванов, 2022, с. 891], поэтому причислять к данному лагерю можно только тех людей, которые сами себя таковыми называли.

2. Материалы и методика исследования

Источниковой базой настоящего исследования послужила документация, связанная с деятелями черносотенного движения. К ним можно отнести воспоминания, политические сочинения, личную переписку, манифесты партий и собрания сочинений и речей. Также немаловажную роль составили научные труды, посвященные истории зарождения и развития этого течения и затрагивающие проблематику определения его идеологического спектра. Методологической базой исследования данной работы является совокупность нескольких методик. Так, историко-генетический метод позволил рассмотреть причины появления черносотенного движения в России. Историко-сравнительный метод в сочетании с первым помог определить общие признаки, свойственные этим организациям и их лидерам, в разные исторические периоды, вплоть до наших дней. Это позволило выявить идеологический уклон самого движения и обозначить его специфику.

3. Анализ

Первой из черносотенных партий стала партия «Русское собрание». Она появилась в ноябре 1900 года, и ее председателем был назначен писатель Дмитрий Петрович Голицын. Изначально организация задумывалась как национальный кружок, который должен был помогать выявлению и укреплению в сознании общества «исконных творческих начал и бытовых особенностей русского народа» [Устав Русского собрания, 1901, с. 1].

Организация постепенно расширялась, и к концу 1904 года ее отделы насчитывались в Харькове, Одессе, Оренбурге, Екатеринославе, Варшаве и Вильно [Степанов, 2000, с. 13]. Под руководством Д. П. Голицына она старалась не вмешиваться в политику, занимаясь просветительской деятельностью. Эта тенденция продолжалась вплоть до 1905 года, когда в результате Первой русской революции императором Николаем II был принят «Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка», известный также как Манифест 17 октября.

Отметим, что после принятия манифеста во многих городах страны стали проходить митинги левых сил, которые призывали к еще большему уступкам со стороны императорской власти. Это вызвало соответствующую

щую реакцию у черносотенного движения, породив многочисленные стачки по стране и промонархические шествия [Степанов, 2005, с. 71–75].

В ноябре 1905 года в обращении к избирателям в Государственную думу «Русское собрание» изменило свою первоначальную риторику на более правую. В ней стали преобладать консервативность: «Русское собрание считает, что царское самодержавие не отменено манифестом 17 октября 1905 года» [Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1: 1905–1910 гг., 1998, с. 72]; религиозность: «Православная церковь должна сохранить в России господствующее положение» [Там же]. То есть в данном случае прослеживаются элементы так называемой «теории официальной народности» графа Сергея Семеновича Уварова, где основными составляющими были «Православие, Самодержавие, Народность». Отдельно хотелось бы обратить внимание на негативное отношение к лицам еврейской национальности: «...еврейский вопрос должен быть разрешен законами и мерами управления особо от других племенных вопросов» [Там же, с. 73]. Нужно отметить, что подобное отношение к евреям довольно часто встречается у черносотенных организаций. Оно прослеживается во многих документах, связанных с этим движением, поэтому далее акцентировать внимание на этом мы не будем, а рассмотрим именно участие подобных партий в политической жизни страны.

Однако «Русское собрание» было не единственной партией, которая возникла в результате царского манифеста. 8 ноября 1905 года считается днем основания «Союза русского народа», ведь именно тогда в Петербурге был учрежден Главный совет этого объединения. Первым председателем был избран доктор медицины Александр Иванович Дубровин [Там же, с. 163]. А. В. Герасимов, который в те годы являлся начальником охранного отделения в Петербурге и был знаком с Дубровиным, описывал его как «очень увлекающегося, не вполне положительного человека, но искреннего монархиста, возмущенного революционной разрухой, желающего все свои силы отдать на борьбу с революционным движением» [Герасимов, 1985, с. 149].

Интересно, что в историографии существует мнение о том, что «Союз русского народа», возможно, был учрежден при непосредственной поддержке императора Николая II. Это проявляется в том, что монарх принял от депутации партии «членские значки союза для себя и для наследника» [Никольский, 1983, с. 421]. Посредничество Николая подтверждается и у другого историка — У. Лакера. Американский историк и политолог отмечает, что император лично «благословил Союз русского народа» [Лакер, 1994, с. 51]. В пользу двух этих фактов говорит то, что до нашего времени дошли источники, которые доказывают лояльность монарха в отношении данной партии, — это «Полное собрание речей Императора Николая II» и «Избирательная программа “Союза русского народа”» от 2 сентября 1906 года.

В первом источнике говорится о том, что 23 декабря 1905 года Николай II принял комиссию «Союза» в Царскосельском дворце и получил от Дубровина «два знака союза для Него и для Наслѣдника», после чего поблагодарил его за это. Далее можно узнать, что в «Союзе русского народа» император видел силу, которая сможет противостоять врагам России [Полное собрание речей Императора Николая II: 1894–1906, 1906, с. 66–67]. Во втором источнике еще раз подтверждается данный факт, поскольку в самом начале «Избирательной программы» в заглавии выносятся обращение Николая II к русскому народу: «Поблагодарите всех Русских людей, примкнувших к Союзу Русского Народа» [Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1: 1905–1910 гг., 1998, с. 163]. Также известно, что император пожелал партии «расти и процветать» [Там же, с. 93].

Что касается идей партии, то в уставе «Союза русского народа» имеются черты, схожие с «Русским собранием», но с тем отличием, что здесь они были заложены изначально, а не приобретены впоследствии. Речь о религиозности [Устав общества под названием «Союз русскаго народа», 1906, с. 3], монархизме, самодержавии, признании главенства русской народности над всеми остальными как «собираательнице земли русской» [Там же, с. 4].

«Союз русского народа» был достаточно реакционной и радикальной организацией. Это проявлялось в том отношении, что те лица, политика которых отличалась от точки зрения партии, могли быть подвергнуты террору. Это касается тех, кто выступал за ограничение власти монарха или за революцию в стране [Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1: 1905–1910 гг., 1998, с. 168–170]. Интересно, что из всех подобных организаций «самым опасным врагом» признавалась именно «Конституционно-демократическая партия» («Кадеты») [Там же, с. 168]. Этот террор подтверждается воспоминаниями А. В. Герасимова. Из них можно узнать о том, что боевые дружины «Союза» в июле 1906 года убили депутата Первой Государственной думы Михаила Яковлевича Герценштейна (члена «Кадетов») [Герасимов, 1985, с. 150], а в феврале 1907 года они попытались устроить покушение на С. Ю. Витте (разработчика Манифеста 17 октября). Позднее они расправились с членом Государственной думы II созыва Г. Б. Иоллосом, а после — с неким депутатом Караевым [Там же, с. 152–153].

Но, несмотря на весь ужас, что внушала своим противникам эта организация, внутри партии имелись свои противоречия. После роспуска Государственной думы II созыва товарищ председателя Главного совета Пуришкевич и некоторые учредители «Союза» вступили в оппозицию по отношению к Дубровину. Это привело к расколу в партии и появлению в марте 1908 года новой черносотенной организации — «Русский народный союз имени Михаила Архангела» [Степанов, 2005, с. 248]. Но, перед тем

как обратиться к идеологии данной партии, следует упомянуть о другой не менее важной черносотенной организации — это «Русская монархическая партия».

Партия появилась 24 апреля 1905 года, ее основателем стал публицист, историк и главный редактор газеты «Московские ведомости» Владимир Андреевич Грингмут. Почти сразу же она начала привлекать сторонников со схожими взглядами, что привело к скорейшему формированию Центрального бюро [Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 3, 1910, с. 267]. Отметим, что новыми членами партии становились и представители московского православного духовенства [Там же, с. 268].

Сам Грингмут считал, что России необходимо уничтожить своих внутренних врагов, перед тем как совершить своеобразное «перерождение», чтобы в нужное время сказать «новое слово в истории человечества» [Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 1, 1908, с. 233]. Под этим «новым словом» он понимал что-то уникально русское, не похожее ни на что-либо европейское или азиатское [Там же].

В своей программе от 1905 года, изданной до октябрьского манифеста, партия имеет схожее мнение с «Союзом русского народа», также считая, что революционные настроения в стране весьма неприемлемы для ее самодержавного строя [Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 3, 1910, с. 273–276]. В связи с этим указывается опасная роль социалистов и либералов в антимонархических настроениях общества [Там же].

После манифеста партия, как и многие другие черносотенные организации, попыталась сохранить тот консервативный порядок, что был до этого. Некоторые ее члены заявляли, что, несмотря на «добровольный акт Верховной воли» со стороны власти, лидеры революции посчитали это уступкой Николая II антимонархическим силам [Там же, с. 281–282]. По мнению представителей партии, не стоило проводить внутренние реформы под давлением революционных масс, поскольку любые уступки не способны ослабить их, а лишь усилить. Поэтому партия видела своей задачей защиту существующего строя целым рядом «безусловно законных средств» [Там же, с. 282]. Одной из подобных мер была помощь графу С. Ю. Витте в подавлении революционных беспорядков, даже несмотря на различия во взглядах на законы Российской империи [Там же, с. 282–286].

Другими средствами защиты самодержавия были различного рода обращения к русскому народу. Так, в 1906 году в своем «Воззвании» партия объясняет причины того, почему не следует выбирать в Думу тех, кто может нанести вред консервативному строю [Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 4, 1910, с. 38–39]. Она указывает на так называемых врагов России, к которым относит ранее упомянутые слои общества: либералов, социалистов, революционеров [Там же, с. 39]. Интересно, что тех, кто не придерживается христианской веры, тоже не следовало выбирать в Думу, хотя, как мы выяснили, в партию подобных лиц могли принимать [Там

же]. Избирать же нужно было так называемых верных людей, что чтят и Бога, и царя, и стоят защитниками русского народа [Там же, с. 40–41].

По сути, в период с 1905 по 1907 год Грингмут занимался пропагандистской и организаторской деятельностью. В первом случае, как мы видели ранее, издавались различные обращения и воззвания «Русской монархической партии» к народу, где указывались «истинные причины» разрушающейся самодержавной власти к которым он относил евреев при покровительстве графа Витте [Грингмут, 1907, с. 14–15]. Во втором случае он смог добиться соглашения о слиянии «Русской монархической партии» и «Союза русского народа». Это была предтеча для создания 1 января 1908 года «Русского монархического союза» на базе этих двух партий [Стогов, 2012, с. 145–147].

После смерти Грингмута 28 сентября 1907 года на посту руководителя «Русской монархической партии» его сменил протоиерей Иоанн Восторгов [Степанов, 2000, с. 57]. Известно, что у него не складывались отношения с лидерами двух других крупных черносотенных организаций — «Союза русского народа» под руководством Дубровина и Пуришкевичем, который на тот момент уже возглавлял отделившийся «Союз Михаила Архангела» [Там же]. Другая информация о партии связана с ее Уставом, датированным 1909 года. Там представлены тезисы, что были и при жизни Грингмута, — это сплочение русских людей на основе «Православия, Неограниченного Царского Самодержавия и Русской Народности» [Устав общества под названием «Русская Монархическая партия» (или «Русский монархический союз»), 1909, с. 1].

В 1913 году Иоанн Восторгов снимает с себя полномочия руководителя партии в пользу полковника в отставке В. В. Томилина [Стогов, 2012, с. 256]. Позднее эта должность перешла к С. А. Кельцеву. Можно сказать, что после этого организация начала постепенно ослабевать. Подтверждение может служить тот факт, что 24 декабря 1916 года ее последний лидер Кельцев направил директору департамента полиции МВД А. Т. Васильеву письмо, в котором сообщал о том, что средств партии не хватает даже на переиздание ранее вышедших работ [Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2: 1911–1917 гг., 1988, с. 602–603]. Отдельным абзацем отмечается: чтобы вернуть организации «развитие мощи былого времени», требуются немалые средства [Там же]. В конечном счете после Февральской революции сама партия была запрещена.

Исходя из этого видно, что внутри черносотенного движения существовали достаточно сильные внутренние распри, что послужило причиной его ослабления на фоне усиливающихся революционных настроений. Так, например, появился «Русский народный союз имени Михаила Архангела» из-за раскола в «Союзе русского народа».

Как мы уже выяснили, Пуришкевич состоял в «Союзе русского народа» с 1906 до марта 1908 года, когда ввиду борьбы за власть между ним

и Дубровиным, а также разногласий, касающихся взгляда на аграрную реформу П. А. Столыпина, был вынужден создать новую партию [Стогов, 2012, с. 214]. Сама же деятельность председателя РНСМА в рядах черносотенных организаций начинается с 1901 года, когда он вступил в «Русское собрание».

Узнать политические взгляды Пуришкевича можно из письма к редактору немецкой газеты *Neue Preussische Zeitung*. Так, он, как и многие черносотенцы, весьма негативно относился к «Кадетам». Описывая поездку Милюкова, Пуришкевич характеризует его самым отрицательным образом, называя «накипью русской жизни и синонимом рабского подчинения воле еврейского кагала» [Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1: 1905–1910 гг., 1998, с. 448]. Также он желал «укрепления солидарности между Германией и Россией» и достаточно тепло относился к немецкому кайзеру, называя его «рыцарем» [Там же, с. 447] и отдельно признавая, что России необходима дружба с Германией [Там же, с. 450].

Программа партии «Русский народный союз имени Михаила Архангела» по своей структуре и формулировкам во многом похожа на другие подобные документы черносотенных организаций, что были рассмотрены выше. В первом источнике указано, что «выступают учредители этого Союза на арену политической борьбы в дружном единении с прочими единомышленными монархическими организациями» [Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1: 1905–1910 гг., 1988, с. 374–175]. Данное положение интересно тем, что в тот год, когда была издана программа партии (1908), между черносотенными организациями, как мы упоминали выше, шла активная борьба между собой. Далее указываются тезисы, которые были присущи правомонархическим партиям: православие, самодержавие и народность русской нации, а также ограничение прав «непокорных» народов Российской империи, т. е. «поставление в пределы» [Там же, с. 375–377].

Начиная с 1909 года судьбы «Союза русского народа» и «Русского народного союза имени Михаила Архангела» начинают переплетаться. В результате внутренних интриг в СРН фракция крайне правонастроенных членов партии усилила свои позиции по отношению к политике Дубровина. К лицам подобных настроений относились дворянин Н. Е. Марков 2-й и его сподвижники. В конце 1909 года Дубровин был смещен с поста лидера «Союза русского народа» в пользу графа Э. И. Коновицына [Степанов, 2005, с. 252]. Впоследствии происходит непосредственный контакт с «Союзом Михаила Архангела» [Степанов, 2005, с. 263].

По словам самого Пуришкевича, на момент конца июня 1909 года СМА уже находился «в тесном единении с “Союзом русского народа”», работая над так называемым русским национальным делом [Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1: 1905–1910 гг., 1998, с. 447]. Данное сближение двух партий подтверждается письмом

члена главного совета СРН А. И. Соболевского, датированным мартом 1910 года, где регламентируются обязательства в отношении друг друга [Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1: 1905–1910 гг., 1988, с. 568–569].

В период с 1911 по 1913 годы противоречия в рядах черносотенных организаций только усиливались. Борьба за власть внутри самого движения шла очень ожесточенно. Как итог в августе 1912 года появляется «Всероссийский Дубровинский союз русского народа», у так называемых «обновленцев» происходит смещение прежнего лидера в пользу Н. Е. Маркова 2-го [Там же, с. 257–258]. Подобная картина продолжалась вплоть до революционных событий 1917 года.

Февраль 1917 года стал переломным моментом для существования всех черносотенных организаций на территории России. Многочисленные демонстрации, вызванные множеством факторов (один из которых — это неудачи в Великой войне), охватили всю страну и особенно — столицу. Император и черносотенцы надеялись на то, что беспорядки будут подавлены с помощью армии, но этого не произошло. Как справедливо замечает С. Степанов, «до революции вожди “Черной сотни” твердили, что их союзы объединяют несколько миллионов верноподданных, готовых спасти царя и отечество. Однако в толпах людей под красными знаменами, заполнивших петроградские улицы, не было замечено ни одного союзника» [Там же, с. 462–463].

С падением монархического строя в России начались массовые преследования черносотенных организаций. Происходили многочисленные аресты связанных с ними лиц [Там же, с. 472–473] и запреты подобных партий и их печатных органов, таких как газеты «Русское знамя» и «Земщина» [Степанов, 2000, с. 93]. Тем не менее Владимир Пуришкевич продолжал свою деятельность и при таких условиях.

Что касается политического портрета Пуришкевича, то еще до событий февраля 1917 года его взгляды стали меняться. Одним из серьезных факторов, который этому способствовал, стала продолжавшая два года (на момент 1916 года) Первая мировая война. С падением монархии Пуришкевич стал скорее патриотом-националистом, поскольку, как он обозначил, большевики — это не весь русский народ, а лишь «один из классов своего народа» [Без забрала. Открытое письмо большевикам Совета Петроградских рабочих депутатов, 1917, с 3–4]. Он считал, что эти реакционеры ничего не смыслят в управлении делами государства, особенно в период войны, а также, представляя свои интересы, они не берут в расчет преобладающее количество крестьянства [Там же, с. 1–2]. В связи с этим приведем цитату историка Д. Стогова, который описывает Пуришкевича, как прагматика, «движимого конкретными политическими соображениями того или иного исторического периода», искавшего себе легкой популярности [Стогов, 2012, с. 227].

Во время Гражданской войны Пуришкевич вошел в Белое движение, надеясь восстановить в России самодержавную власть, но уже не от линии Романовых, но вскоре скончался от тифа. Похоронен В. М. Пуришкевич 13 января 1920 года в городе Новороссийске [Степанов, 2005, с. 469]. Часть остальных деятелей черносотенного движения были расстреляны большевиками в ночь на 23 августа (5 сентября) 1918 года на Ходыньском поле. В их числе — ранее упомянутый протоиерей И. И. Восторгов [Там же, с. 476]. Также известно, что 21 апреля 1921 года согласно постановлению Президиума ВЧК один из бывших вождей «Черной сотни» А. И. Дубровин подлежал расстрелу [Там же, с. 494].

Ранее уже упоминавшийся Марков 2-й после поражения армии Н. Н. Юденича весной 1920 года перебрался в Германию, где занимался дальнейшей политической деятельностью [Стогов, 2012, с. 115]. Он все так же был предан своим идеям, заключавшимся в радикальном антисемитизме и возрождении монархии в лице одного из живых Романовых. И. А. Ильин считал, что правые не смогли бы вести активную деятельность в России, поскольку они не имеют крайне сильных связей со страной [Ильин, 1999, с. 221]. Самого же Маркова 2-го русский философ и писатель охарактеризовал следующим образом: «Он силен волею и темпераментом, грубо умен и грубо хитер, интрига его топорна; очень властолюбив и малообразован; одержим антисемитизмом и масонобязнью; в экономике не понимает ничего и творческих идей не имеет; духовная культура за пределами православия для него почти не существует; это не вождь и не строитель, а трибун и демагог с черным блеском в зрачке» [Там же, с. 221–222]. Отсюда можно понять, каков был портрет Маркова как одного из основных деятелей «Черной сотни». Важно уточнить, что И. А. Ильин считал, что центра, который должен организовать переворот против советской власти, за границей нет и на русских ставку он не делал [Там же, с. 223]. Это говорит о серьезной слабости «Черной сотни» на тот момент и о ее политической неспособности для осуществления каких-либо основательных действий.

Уже в мае 1921 года в Рейхенгале избирается Высший монархический совет, где Марков 2-й занимает место председателя до 1927 года, но это не дало серьезных результатов. Помимо политической деятельности, он занимался редакцией журнала «Двуглавый орел», который был явно монархическим. Несмотря на проживание и работу в Германии, русские черносотенные монархисты-эмигранты не являли собой олицетворение так называемой «германофильской ориентации» [Двуглавый орел, 1921 г., № 16, с. 34].

В 1930-е годы Марков 2-й говорил о том, что фашистские диктатуры в Италии и Германии взяли за основу именно черносотенные идеи, но со временем же они должны были смениться монархией [Стогов, 2012, с. 120]. Тут можно поспорить, поскольку эта теория нежизнеспособна, ибо

сама суть фашизма не предполагала возвращение к монархии, а являлась идеей «создания нового человека» через ультранационалистическую революцию. Р. Ганелин справедливо отметил, что «перспективы развития гитлеровского режима никак не давали оснований рассчитывать на превращение Германии в наследственную монархию» [Ганелин, 2005, с. 267].

Николай Марков 2-й скончался 22 апреля 1945 года в Висбадене, за несколько дней до окончания Великой Отечественной войны. Убежденный антисемит, разочарованный в пригодности германского фашизма для России, последние годы своей жизни состоял на службе у Третьего рейха, но осуществить свои идеалы так и не смог [Там же, с. 269]. С его смертью деятельность черносотенных организаций массово не возобновлялась вплоть до 1991 года.

После крушения советского строя и появления «новой России», черносотенное движение стало снова появляться, но уже с несколько иной идеологией, чем раньше.

Первая организация с которой хотелось бы начать, — это МОО «Русское собрание». Уже само название проводит параллель между современностью и «исторической православной, монархической, народной общественно-политической организацией» [«Русское Собрание»: после паузы длиною в век], которая была создана в начале XX века. Наследница позиционирует себя, как правопреемница той черносотенной партии, что была в Российской империи [Там же]. Ее руководитель — Анатолий Дмитриевич Степанов, чей научный труд использовался в данной работе для того, чтобы проследить развитие организации, занимает пост ее председателя с 6 декабря 2013 года [Русская Народная Линия: О нас].

Принципами современного «Русского собрания», из которых следуют цели и задачи, являются национализм, «национальная и социальная справедливость, государственная целостность России, общинность и соборность русского народа, главенство духовного над материальным» [Временный устав Международной общественной организации «Русское Собрание»], а также «представление интересов русского народа в органах государственной власти и местного самоуправления России и за рубежом» [Там же]; консерватизм и традиционализм [Там же]; антилиберализм, «противодействие идеям глобализма, нового мирового порядка, либерализма, экстремизма и терроризма» [Там же]. Важно отметить, что МОО «РусС» не превозносит русский народ над другими, а, наоборот, выступает за «укрепление дружбы между народами» [Там же], но она отстаивает непосредственно его интересы в органах власти. Также одним из источников, помогающих понять идеологию современного «Русского собрания» является статья самого А. Степанова «Власть в России всегда будет стремиться к единодержавию».

Самым важным и основополагающим тезисом «РусС» является монархизм. Это подтверждает мысль А. Степанова о том, что монархия в России

может возродиться с течением времени. Аргументирует он это тем, что на протяжении всей отечественной истории народ относился к правителям как к «царям и заступникам народа» [О монархии будущего — Власть в России всегда будет стремиться к единодержавию]. При этом подчеркивает, что подобная традиция сохраняется и до сих пор [Там же].

Вторая организация, возродившаяся спустя почти полвека, — это «Союз русского народа». Организация, что некогда была одной из самых крупных на территории Российской империи, вновь появилась уже в современной России в 2005 году по инициативе скульптора В. М. Клыкова. В отличие от более умеренного «Русского собрания» возрожденный «Союз русского народа» использует все тот же Устав, что был создан в 1905 году. В нем так и остались те пункты, что касаются враждебности к евреям: например, глава IV: «Евреи в члены Союза никогда допущены быть не могут» [Устав общества под названием «Союз русского народа»]. И этот документ не единственный. Во Временном положении о принятии новых членов еще раз сказано о том, что лица этой национальности не могут быть приняты в Союз [Временное Положение о принятии новых членов «Союза русского народа» и создании новых отделов «Союза русского народа» (СРН)]. Интересно, что здесь же указаны те организации, которые, по мнению данного движения, являются богоборческими и русофобскими [Там же], следовательно, СРН остается все таким же религиозным, каким был его предок времен империи.

Нужно отметить одно существенное противоречие, которое присутствует в документах современного «Союза русского народа». Во Временном положении указано, что в организацию принимаются «только природные русские», а люди «некоренного русского происхождения» — только по единогласному постановлению соответствующих органов Союза, где национальная принадлежность лиц устанавливается по родителям [Там же]. В то же время Главный совет «Союза русского народа» заявляет о том, что «русскими вправе себя считать граждане любого происхождения, если они сами считают себя русскими по самосознанию и общности судьбы, заявляя об этом открыто» [Нашему народу нужна совершенно иная Конституция. Заявление Главного Совета «Союза русского народа»], что создает противоречие с предыдущим положением.

4. Заключение

Представив путь черносотенных организаций от их зарождения до сегодняшних дней, определив их основные и специфические черты, проследив судьбу лидеров черносотенцев и изменение их политических взглядов во времени, мы постарались ответить на вопрос, можно ли отнести черносотенство к протофашизму и фашизму в целом. Отметим, что однозначного ответа на данный вопрос быть не может. С одной стороны, деятельность «Черной сотни» в дореволюционной России была вызвана кризисом в стране как реакция на ослабление монархии и включала в себя террор, ре-

лигиозность, традиционализм и важность государства с превалированием русского народа над остальными в политической сфере. С другой — мы выяснили, что не все лидеры движения «Черной сотни» придерживались праворадикальных взглядов, как, например, это было с Пуришкевичем под конец его жизни.

Нужно иметь в виду, что само черносотенное движение не было единым, даже несмотря на схожесть своих доктрин в области устройства России.

Основная методологическая сложность заключается в том, что, несмотря на поверхностное сходство некоторых элементов черносотенства с фашистскими (например террор), их причины кроются в революционных настроениях в стране и общем упадке монархии.

В конечном итоге представляется обоснованным заключение о том, что данное движение следует квалифицировать скорее как консервативно-националистическое, нежели как протофашистское или аналогичное. Его идеологическая основа базируется на «Теории официальной народности» С. С. Уварова. При этом нужно понимать, что концепт «фашизм» является многомерным, и с учетом изменения исторических эпох и эволюции историографической традиции понятна точка зрения тех историков, которые использовали данное обозначение.

Список литературы

Временное Положение о принятии новых членов Союза Русского Народа и создании новых отделов Союза Русского Народа (СРН). — Текст : электронный. — URL: <https://srn.rusidea.org/20004> (дата обращения: 27.10.2024).

Временный Устав Международной общественной организации «Русское Собрание». — Текст : электронный. — URL: https://ruskline.ru/analitika/2013/12/16/vremennyj_ustav_mezhdunarodnoj_obvestvennoj_organizacii_russkoe_sobranie (дата обращения: 25.10.2024).

Галкин, А. А. Германский фашизм / А. А. Галкин. — Москва : Наука, 1989. — 352 с. — Текст : непосредственный.

Ганелин, Р. Ш. От черносотенства к фашизму / Р. Ш. Ганелин. — Текст : непосредственный // Ad hominem. Памяти Николая Гиренко / Под ред. В. Ф. Выдрина, Д. И. Раскина, В. Г. Узунова. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2005. — С. 243–272.

Герасимов, А. В. На лезвии с террористами / А. В. Герасимов. — Paris : YMCA-press, 1985. — 208 с. — Текст : непосредственный.

Гриффин, Р. Фашизм до и после Второй мировой войны: историческая роль, идеологические установки, политическое значение / Р. Гриффин ; пер. с англ. А. Шеховцова. — Текст : непосредственный // Форум новей-

шей восточноевропейской истории и культуры. — 2014. — Русское издание № 1. — С. 343–353.

Иванов, А. А. Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты: дефиниции русского правого лагеря начала XX века / А. А. Иванов. — Текст : непосредственный // Новейшая история России. — 2022. — Т. 12, № 4. — С. 884–905.

Ильин, И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938) / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; худож. Л. Ф. Шканов. — Москва : Русская книга, 1999. — 608 с. — Текст : непосредственный.

Кирьянов, Ю. И. Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1917 гг.): тенденции и причины изменений / Ю. И. Кирьянов. — Текст : непосредственный // Отечественная история. — 1999. — № 5. — С. 29–43.

Лакер, У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма / У. Лакер ; пер. с англ. В. Меникера. — Москва : Текст, 1994. — 431 с. — Текст : непосредственный.

Нашему народу нужна совершенно иная Конституция. Заявление Главного Совета Союза Русского Народа. — Текст : электронный. — URL: <https://srn.rusidea.org/20027> (дата обращения: 01.11.2024).

Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. — Москва : Политиздат, 1983. — 448 с. — Текст : непосредственный.

О монархии будущего — Власть в России всегда будет стремиться к единодержавию. — Текст : электронный. — URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/07/05/vlast_v_rossii_vsegda_budet_stremitsya_k_edinoderzhaviyu (дата обращения: 25.10.2024).

Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. — В 2 т. — Т. 1 : 1905–1910 гг. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Гос. архив. служба Российской Федерации, Гос. архив Российской Федерации, сост., автор предисл., введ. и и коммент. Ю. И. Кирьянов, отв. ред. В. В. Шелохаев. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — 720 с. — Текст : непосредственный.

Правые партии. 1905– 1917 гг. Документы и материалы. — В 2 т. — Т. 2 : 1911–1917 гг. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Гос. архив. служба Российской Федерации, Гос. архив Российской Федерации, сост., автор предисл., введ. и коммент. Ю. И. Кирьянов, отв. ред. В. В. Шелохаев. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 816 с.

Русская Народная Линия: О нас. — Текст : электронный. — URL: <https://ruskline.ru/about/> (дата обращения: 25.10.2024).

«Русское Собрание»: после паузы длиною в век. — Текст : электронный. — URL: https://ruskline.ru/analitika/2013/12/30/russkoe_sobranie_posle_pauzy_dlinouy_v_vek (дата обращения: 25.10.2024).

Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 1. — Москва : Унив. тип., 1908. — 322 с. — Текст : непосредственный.

Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 3. — Москва : Русская Печатня, 1910. — 354 с. — Текст : непосредственный.

Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 4. — Москва : Русская Печатня, 1910. — 410 с. — Текст : непосредственный.

Степанов, А. Д. Черная сотня: взгляд через столетие. / А. Д. Степанов. — Санкт-Петербург : Царское дело, 2000. — 136 с. — Текст : непосредственный.

Степанов, С. А. Черная сотня / С. А. Степанов. — 2-е изд., доп. и перераб. — Москва : ЭКСМО, Яуза, 2005. — 544 с. — Текст : непосредственный.

Стогов, Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию / Д. И. Стогов. — Москва : Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. — 672 с. — Текст : непосредственный.

Устав общества под названием Союз Русского Народа. — Текст : электронный. — URL: <https://srn.rusidea.org/20001> (дата обращения: 25.10.2024).

Источники

Без забрала. Открытое письмо большевикам Совета Петроградских рабочих депутатов, [листовка]. — Калязин [Тверская губ.] : Тип. Н. Семистова, 1917. — 4 с.

Грингмут, В. А. Русские и евреи в нашей революции / В. А. Грингмут. — Москва : Верность, 1907. — 15 с.

Двуглавый орель. — 1921. — № 16.

Полное собрание речей Императора Николая II : 1894–1906. Составлено по официальным данным «Правительственного Вестника» / Сост.: Владимир Данилович Зеленский. — Санкт-Петербург : Друг Народа, 1906. — 80 с.

Русское собрание. Петербург. Устав Русского собрания : [утвержден 26 января 1901 года]. — Санкт-Петербург : типо-лит. В. В. Комарова, 1901. — 15 с.

Устав общества под названием «Русская Монархическая партия» (или «Русский Монархический Союз») : [рассмотрен 4 мая 1909 г.]. — Москва : Русская Печатня, 1909. — 23 с.

Устав общества под названием «Союз русского народа». — Санкт-Петербург : Отечественная тип., 1906. — 16 с.

Получена: 17.02.2025

Принята: 24.03.2025

BLACK HUNDREDS: THE PROBLEM OF DETERMINING IDEOLOGICAL STATUS

N. M. Potapov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
nik.yermolayev.05@inbox.ru

A. M. Oleshkova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
oleshkova@bk.ru

Abstract. The article examines the question of what ideological spectrum the Black Hundreds movement can be attributed to. Due to the fact that there is no consensus in historiography on what the Black Hundreds are as a phenomenon, it was decided to trace the history of the formation of the Black Hundreds movement, to determine its main and distinctive features. The source base of this study was the documentation related to the figures of the Black Hundreds movement. These include memoirs, political writings, personal correspondence, party manifestos and collected works and speeches, as well as scientific works devoted to the history of the origin and development of this movement and touching on the problem of determining its ideological spectrum. The methodological basis for the study of this work is a combination of several methods. Thus, the historical and genetic method made it possible to consider the reasons for the emergence of the Black Hundreds movement in Russia. The historical and comparative method in combination with the first helped to determine the common features inherent in these organizations and their leaders in different historical periods, up to the present day. This made it possible to identify the ideological bias of the movement itself and outline its specifics.

Key words: Black Hundreds, revolution, Black Hundreds, protofascism, Russia, Theory of Official Nationality.

References

«*Russkoe Sobranie*»: *posle pauzy dlinoyu v vek* ["Russian Assembly": after a century-long pause]. Retrieved from https://ruskline.ru/analitika/2013/12/30/russkoe_sobranie_posle_pauzy_dlinoyu_v_vek (Data obrashcheniya: 25.10.2024).

Galkin, A. A. (1989). *Germanskiy fashizm* [German fascism]. Moscow: Nauka.

Ganelin, R. Sh. (2005). Ot chernosotenstva k fashizmu [From the Black Hundreds to fascism]. In V. F. Vydrina, D. I. Raskina, V. G. Uzunova (Eds.), *Ad hominem. Pamyati Nikolaya Girenko* (pp. 243–272). Sankt-Peterburg: MAE RAN.

Gerasimov, A. V. (1985). *Na lezvii s terroristami* [On the Edge with Terrorists]. Paris: YMCA-press.

Griffin, R. (2014). *Fashizm do i posle Vtoroy Mirovoy voyny: istoricheskaya rol', ideologicheskie ustanovki, politicheskoe znachenie* [Fascism before and after World War II: historical role, ideological attitudes, political significance]. In *Materials Forum of modern Eastern European history and culture* (pp. 343–353).

Il'in I. A. (1999). *Sobranie sochineniy: Dnevnik. Pis'ma. Dokumenty* (1903 - 1938) [Collected Works: Diary. Letters. Documents (1903 - 1938)]. Moscow: Russkaya kniga.

Ivanov, A. A. (2022). *Reaktsionery, chernosotentsy, belogvardeytsy, fashisty: definitsii russkogo pravogo lagerya nachala XX veka* [Reactionaries, Black Hundreds, White Guards, Fascists: Definitions of the Russian Right Camp at the Beginning of the 20th Century]. *Modern history of Russia*, 12(4), 884–905.

Kiryaynov, Yu. I. (1999). *Chislennost' i sostav kraynix pravyykh partiy v Rossii (1905-1917 gg.): tendentsii i prichiny izmeneniy* [The Number and Composition of Far-Right Parties in Russia (1905-1917): Trends and Reasons for Changes]. *National history*, 5, 29–43.

Laker, U. (1994). *Chernaya sotnya. Proiskhozhdenie russkogo fashizma* [Black Hundreds. The Origin of Russian Fascism]. Moskva: Tekst.

Nashemu narodu nuzhna sovershenno inaya Konstitutsiya. Zayavlenie Glavnogo Soveta Soyuza Russkogo Naroda. Retrieved from <https://srn.rusidea.org/20027>

Nikol'skiy, N. M. (1983). *Istoriya russkoy tserkvi*. Moscow: Politizdat.

O monarkhii budushchego – Vlast' v Rossii vseгда budet stremit'sya k edinoderzhaviyu [On the monarchy of the future - The authorities in Russia will always strive for autocracy]. Retrieved from https://ruskline.ru/news_rl/2023/07/05/vlast_v_rossii_vseгда_budet_stremitsya_k_edinoderzhaviyu

Pravye partii. 1905– 1917 gg. Dokumenty i materialy. V 2 t. T. 2. 1911– 1917 gg. [Right-wing parties. 1905–1917. Documents and materials. In 2 volumes. Vol. 2. 1911–1917] (1998). Moscow: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN).

Pravye partii. 1905–1917 gg. Dokumenty i materialy. V 2 t. T. 1. 1905– 1910 gg. [Right-wing parties. 1905–1917. Documents and materials. In 2 volumes. Vol. 1. 1911–1917] (1998). Moscow: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN).

Russkaya Narodnaya Liniya: O nas [Russian People's Line: About us]. Retrieved from <https://ruskline.ru/about/>

Sobranie statey V. A. Gringmuta. Vyp. 1 [Collection of articles by V. A. Gringmut. Issue 1] (1908). Moskva: Univ. tip.

Sobranie statey V. A. Gringmuta. Vyp. 3 [Collection of articles by V. A. Gringmut. Issue 3] (1910). Moskva: Russkaya Pechatnya.

Sobranie statey V. A. Gringmuta. Vyp. 4 [Collection of articles by V. A. Gringmut. Issue 4] (1910). Moskva: Russkaya Pechatnya.

Stepanov, A. D. (2000). *Chernaya sotnya: vzglyad cherez stoletie* [The Black Hundred: A Look Through the Century]. Sankt-Peterburg: Tsarskoe delo.

Stepanov, S. A. (2005). *Chernaya sotnya* [Black Hundred]. Moskva: EKSMO, Yauza.

Stogov, D. I. (2012). *Chernosotentsy: zhizn' i smert' za velikuyu Rossiyu* [Black Hundreds: Life and Death for Great Russia]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm.

Ustav obshchestva pod nazvaniem Soyuz Russkogo Naroda [Charter of the society called the Union of the Russian People]. Retrieved from <https://srn.rusidea.org/20001>

Vremennoe Polozhenie o prinyatii novykh chlenov Soyuz Russkogo Naroda i sozdanii novykh otdelov Soyuz Russkogo Naroda (SRN) [Temporary Regulations on the acceptance of new members of the Union of the Russian People and the creation of new departments of the Union of the Russian People (URP)]. Retrieved from <https://srn.rusidea.org/20004>

Vremenny Ustav Mezhdunarodnoy obshchestvennoy organizatsii «Russkoe Sobranie» [Temporary Charter of the International Public Organization "Russian Assembly"]. Retrieved from https://ruskline.ru/analitika/2013/12/16/vremennyj_ustav_mezhdunarodnoj_obvestvennoj_organizacii_russkoe_sobranie

Submitted: 17.02.2025

Accepted: 24.03.2025

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТОПОНИМОВ В РОМАНЕ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

Т. В. Аникина

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
anikishna@mail.ru

А. С. Ильных

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
phatter@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода топонимов в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». Актуальность исследования определяется повышенным интересом к проблемам перевода имен собственных в художественных произведениях, в частности фэнтезийного жанра, так как неслаженность, наблюдаемая при их передаче, влияет на качество перевода. Материалом исследования послужила выборка, составленная на основе романа-эпопеи Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» и включающая 50 топонимов, а также их адаптация в четырех различных переводах (Н. В. Григорьевой и В. И. Грушецкого, А. А. Грузберга, А. А. Кистяковского и В. С. Муравьева, а также перевод В. А. Маториной). Интерес к данному произведению вызван проработанностью мира, искусственно созданного самим Толкиным. Проблемным вопросом, касательно данного романа, является наличие большого количества «говорящих» имен собственных и их перевод на русский язык. Имена собственные, обладающие смысловой нагрузкой и созданные с целью передачи определенного настроения или задумки, как правило, лишаются своей значимости и потому требуют к себе особого внимания.

Ключевые слова: имя собственное, топоним, жанр фэнтези, транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод, уподобляющий перевод.

1. Введение.

В лексической системе любого языка имена собственные – это особый класс слов, который имеет свои специфические особенности. Имя собственное – это вторичное название уникального субъекта, дополняющее и уточняющее первичное, нарицательное, и служащее для различения из-

вестных подобных предметов друг от друга. Имена собственные – сложная лексико-грамматическая категория, которую необходимо исследовать в различных аспектах.

А. В. Суперанская определяет имя собственное как имена и фамилии людей, географические названия, торговые марки, наименования учреждений, предприятий и т.д. [Суперанская, 2023]. Имена собственные связаны с выполнением определенных функций: В. Д. Бондалетов выделяет номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую, коммуникативную, оценочную, контактоустанавливающую, дейктическую, апеллятивную [Бондалетов, 2016, с. 17]. Имя собственное может в себе сочетать несколько функций одновременно, однако большинство из них актуальны и выходят на первый план лишь в условиях коммуникации.

Номинативная функция заключается в том, чтобы дать объекту название. Например, в названии музея «Madame Tussauds» заложен антропоним – фамилия основательницы. В данном случае собственное имя, помимо номинативной функции, обладает дифференцирующей и идентифицирующей функциями, поскольку антропоним указывает на уникальность музея.

По мнению В. Д. Бондалетова *идентифицирующая функция* отражает способность имен собственных указывать на объект в ряду ему подобных, а *дифференцирующая функция* – выделять этот предмет из ряда ему подобных [Бондалетов, 2016, с. 20].

Дейктическая (указательная) функция заключается в наименовании какого-либо объекта и сопровождается указанием на данный объект.

Фатическая (контактоустанавливающая) функция направлена на создание и поддержание контакта между собеседниками, например, при приветствии.

Коммуникативная функция осуществляется в моменте речи, когда имя служит основой коммуникации, то есть темой для обсуждения.

Апеллятивная (призывная) функция направлена на побуждение к какому-либо действию или регуляцию действий посредством повелительного склонения, когда к другому человеку, на которого направлена просьба или приказ, обращаются по имени.

Особо значимой в художественном произведении является *экспрессивная (выразительная) функция*, которая призвана вызвать определенные эмоции, тем самым подкрепить намерения автора и воздействовать на восприятие читателя, что предполагает наличие в самом имени собственном особой выразительности. Представление объекта в определенном свете может быть достигнуто благодаря, например, заниженной или высокой лексики, прозвищ. Прозвища даются кому-либо исходя из наличия у них определенной характеристики, качества, поведения, выделяющихся среди остальных. В художественном произведении они служат не только для

раскрытия взаимоотношений между героями, но и для указания автором своего личного отношения к персонажу, его поступкам.

Оценочная функция реализуется, когда имя собственное характеризует человека, понятие, предмет. Например, имя Sunny, переводящееся как «солнечный», «солнышко» говорит о наличии у героя положительных черт, позволяющих воспринимать его позитивным, теплым и жизнерадостным.

Помимо этого, в художественном тексте у онимов актуализируется *стилистическая функция*. Выделяются две разновидности стилистической функции: информационно-стилистическая и эмоционально-стилистическая. Средством выражения информационно-стилистических смыслов обычно является этимологическое значение имени собственного. Изучение данной разновидности стилистической функции предполагает выявление стилистических коннотаций, субъективной окраски языковых единиц. Эмоционально-стилистическая функция, схожа с экспрессивной функцией, выделяемой В. Д. Бондалетовым, поскольку согласно данной разновидности стилистической функции имя собственное направленно вызывать у читателя определенные чувства и формировать его образ [Кузьмина, 2015].

Прагматическая функция имени собственного выражается в ярком и экспрессивном использовании различных языковых средств с целью воздействия на адресата, выражения своего отношения. Итогом прагматической функции является реакция от реципиента, как положительная, так и отрицательная. Другими словами, прагматическая сторона имени собственного предстает в смысловом наполнении объекта, содержании, которое номинатор хочет донести до аудитории [Голомидова, 2003].

Таким образом, можно говорить о том, что несмотря на то, что имя собственное в зависимости от контекста может сочетать в себе несколько функций, не все они могут быть актуальны. В условиях повседневного общения у имен собственных, как правило, на первый план выходит номинативная функция – называть, с целью различать однотипные объекты друг от друга, в то время как, в художественных произведениях большую значимость имеют выразительная, прагматическая, стилистическая и оценочная функции, поскольку они позволяют погрузиться в искусственно созданный мир автора и проникнуться героями, атмосферой.

Существует универсальная классификация онимов, разработанная немецким лингвистом А. Бахом и дополненная А. В. Суперанской, классификация имен в связи с именуемыми объектами [Суперанская, 2023].

Согласно данной классификации, выделяются следующие виды онимов:

- Антропонимы (личные имена, фамилии, патронимы, матронимы, никнеймы, прозвища, псевдонимы и т. д.);
- Зоонимы (клички животных);

- Фитонимы (названия растений);
- Топонимы (названия географических объектов: морей, рек, гор, городов, сел, областей и т. д.);
- Мифонимы (имена вымышленных объектов и существ);
- Космонимы (названия зон космического пространства, созвездий, планет);
- Хрематонимы (названия предметов материальной культуры, науки, техники и т. д.);
- Имена собственные комплексных объектов (названия предприятий, объединений, мероприятий, праздников, стихийных бедствий и т. д.).

Данная классификация удобна четким разделением онимов по семантическим разрядам, поэтому используется нами при анализе топонимов в исследуемом художественном произведении.

В работе нами будут рассмотрены топонимы. Л. Н. Давлеткулова рассматривает топонимы «как собственные названия естественно-природных или искусственно созданных человеком объектов на сухопутной или водной территории Земли, которые формируют определенную часть лексики, исторически, социально и культурно обусловленную» [Давлеткулова, 2014, с. 9].

Топонимы по своей сути являются не только географическими терминами, но и носителями яркой культурно-исторической информации. Данным вопросом занимались такие специалисты в области ономастики, этнолингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии, как Н. И. Толстой, В. Н. Топоров, М. В. Горбаневский, В. И. Супрун, Р. А. Агеева, Е. М. Верещагин, А. Ф. Журавлев, Е. Н. Березович, Г. М. Керт, В. П. Нерознак и др.

Топонимы часто даются автохтонным населением определенной территории, для них они несут свое смысловое значение. Это служит основой для определения народа, проживающего некогда на этой территории и отличный от того, что проживает там в настоящий момент. Топонимы несут культурно-историческую ценность и описывают территорию с точки зрения народов, населявших ту или иную местность; они выражают мироощущение, культуру, быт, обычаи и повседневное окружение.

Топонимы дифференцируются в зависимости от того, какой объект они называют. Выделяются названия, именующие следующие объекты:

- гидрографические (реки, озера, моря, океаны, ручьи, колодцы, каналы);
- орографические (объекты положительного и отрицательного рельефа земной поверхности);
- флористические (названия лесных массивов, растительного мира);
- любые пути сообщения (наземного, водного, подземного, воздушного);

- любое поселение (города, села);
- любой внутригородской топографический объект;
- любой объект официального, административного деления (территория, область, район).
- любой объект природного подземного образования (пещеры, подземные ручьи, озера, колодцы, водопады) и др. [Мадиева, 2016, с. 87].

Отдельная проблема современной лингвистики – перевод имен собственных в литературных произведениях [Давыдкина, Дондик, 2023; Колев, 2024; Казакова, 2012; Кан, Кушнина, 2021; Сергеева, Будаев, 2024; Спачиль, 2021]. Это вопрос привлекает значительное внимание современных лингвистов, что свидетельствует об актуальности темы.

В нашей работе будут рассмотрены следующие виды топонимов: названия рек, болот, гор, холмов, лесов, территорий, районов, государственных образований, городов, поселков, внутригородских топографических объектов.

2. Материал и методология исследования.

Материалом исследования послужила выборка, составленная на основе романа-эпопеи Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» и включающая 50 топонимов, а также их адаптация в четырех различных переводах на русский язык (Н. В. Григорьевой и В. И. Грушецкого, А. А. Грузберга, А. А. Кистяковского и В. С. Муравьева, а также перевод В. А. Маториной).

Методологическую базу исследования составили труды по общей ономастике [Бондалетов, 2016; Ермолович, 2015; Мадиева, 2016; Суперанская, 2023; Шмелева, 2013], ономастике литературных произведений [Будаев, Нахимова, 2025; Будаев, Нахимова, Руженцева, 2025; Мурзин, 2023], переводоведению [Бортников, 2016; Илюшкина, 2016; Спачиль, 2021].

Методы исследования: анализ и синтез, сравнительный, описательный анализ, а также компонентный анализ.

3. Особенности жанра фэнтези.

Одним из популярных жанров современности является фэнтези, который выделяется большим количеством исследователей как отдельный жанр, часто приписывается к направлению фантастики.

С. В. Алексеев дает определение жанра в узком смысле: «Фэнтези – жанр сказочно-мифологической прозы приключенческого характера, сложившийся в англоязычной литературе второй половине XX века» [Алексеев, 2013, с. 309].

Литературный критик Ксения Строева сформулировала следующее определение жанра фэнтези: «Фэнтези – это произведение, действие которого происходит в мире отличном от реального с неизменным присутствием в нем волшебных, божественных или иных не поддающихся рациональному истолкованию явлений» [Строева, 2005].

Существует большое количество дефиниций жанра, однако на данный момент нет одной полностью отражающей все особенности жанра.

Рассмотрим отличительные черты жанра, позволяющие выделять его среди других:

Ориентация на прошлое. Фэнтези ориентировано на описание средневекового быта, аналога Древнего мира без современных технологий [Галкина, 2021, с. 101].

Героичность. В произведениях жанра фэнтези герой представляется абсолютно обычным персонажем, с которым читатель ассоциирует себя, узнает в нем общие черты, позволяющие в большей степени ему сопереживать. Он наивен и представляет собой «чистый лист», но в то же время многогранен и получает развитие по мере прохождения сюжета, проявляет себя настоящим героем.

Другой отличительной особенностью жанра фэнтези является *наличие* в основе сюжета *определенного квеста, путешествия, сражения с антагонистом*. Несмотря на четкую задачу, поставленную герою, зачастую история не является законченной, концовка построена таким образом, что остается место для интерпретации и продолжения [Бровина, 2022, с. 85].

Существование «вторичных» миров, которые могут быть либо сложными и детализированными, либо описанными в общих чертах и оставленными на домысливание читателем. Они явно отличаются от нашего мира существованием других правил, культур, народов, языков. Другими словами, можно говорить о наличии в фэнтезийных произведениях реалий.

4. Особенности перевода топонимов в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец».

Необходимо отметить, что в романе такое огромное множество различных локаций и географических объектов, что впоследствии был создан отдельный атлас мира Дж. Р. Р. Толкина. Топонимы романа распадаются на две категории: подлежащие переводу по смыслу и те, в передаче которых главное – сохранить благозвучие или внешнюю оболочку.

Мир, созданный Толкиным, именуется *Middle-Earth*. В руководстве поясняется, что Middle-Earth – это земли, пролегающие между Западным морем и Далеким востоком (известном на западе лишь по слухам). Во всех случаях передачи данного топонима использовалось калькирование. Всеми, за исключением Н. Григорьевой и В. Грушецкого, он был переведен как *Средиземье* (от «среди», «срединный»). В основе их перевода слово с близким значением «средний» – *Среднеземье*.

Shire – местность, где проживают хоббиты, происходит от древнеанглийского «scir» («регион», «округ»). В руководстве указано, что название подлежит переводу и желательно должно быть передано при помощи аналогичного устаревшего слова. Переводчики не воспользовались советом Толкина, и таким образом, А. Грузберг, Н. Григорьевой и В. Грушецким территория была передана при помощи транскрипции с элементами транслитерации, как *Шир*. В. Муравьев и А. Кистяковский использовали описательный перевод, *Хоббитания*, указав на население и добавив окончание -

ия, присущее русским адаптациям названий государств (Великобритания, Германия, Испания и т. д.). В. Маторина применила описательный перевод, *Хоббитшир*, оставив основу «шир» и добавив описательный элемент «хоббит».

Одной из первых локаций, с которой первой знакомится читатель, является дом Бильбо, местное название которого *Bag End*. Толкин прописывает, что перевод должен содержать один и тот же корень, что и корень в *Baggins* в языке перевода, а также отражать значение «тупик». Несмотря на то, что каждый переводчик использовал тот же корень, что и в переводе фамилии героя, ни в одном из переводов не прослеживается задумка автора касательно «дна мешка», «тупика». У А. Грузберга используется транскрипция – *Бэг-Энд*, не способная вызывать ассоциаций у читателя. У других переводчиков прослеживается уподобляющий перевод. А. Кистяковский и В. Муравьев перевели название дома как Торба-на-Круче, где «круча» – это крутой обрыв, что не соответствует описанию местности, где находился дом героя. Более того, дома хоббитов находились внутри холмов, а не на возвышенности. Таким образом, перевод В. Маториной, *Торба-в-холме*, можно назвать более приближенным к задумке автора. Перевод Н. Григорьевой и В. Грушецкого, *Засумки*, нам не до конца понятен. Мы предполагаем, что приставка «за-» была использована для передачи географического расположения дома, его отдаленности от других в регионе.

К северо-востоку от *Shire* находится крупнейшее поселение людей и хоббитов *Bree*. Название, согласно руководству, должно передаваться при помощи транскрипции или транслитерации, поскольку является устаревшим словом, вышедшим из употребления. Оно происходит от кельтского «*bryn*», означающего холм, возвышенность. Единственным, кто последовал совету автору, был А. Грузберг, передавший название города как *Бри* при помощи транскрипции. А. Кистяковский и В. Муравьева перевели топоним, используя описательный перевод, *Пригорье*, также поступила и В. Маторина – *Бригорье*, соединив изначальный топоним и описательный элемент. У Н. Григорьевой и В. Грушецкого название звучит как *Брыль* (уподобляющий перевод), возможной основы для такого перевода нами было не найдено.

Другой важной местностью является *Rivendell*, город-убежище эльфов для защиты от Саурана. *Rivendell* – это перевод на всеобщий названия *Imladris*, которое происходит от «*cloven*» (расколотый, разделенный) и «*dell*» (лесистая долина). Сам Толкин не дает четких указаний по поводу передачи онима, оставляя выбор приема за переводчиком. В своем переводе А. Кистяковским и В. Муравьевым было использовано калькирование – *Раздол*, сокращенное от «разделенная долина». Н. Григорьева и В. Грушецкий также используют в своем переводе корень «дол» – *Дольн* (уподобляющий перевод). Прием транслитерации передан топоним у

А. Грузберга – *Ривенделл*, В. Маторина, в свою очередь, использовала транскрипцию – *Райвенделл*.

Gladden Fields представляет собой большое болото, простирающееся на восточной части Андуина. Gladden здесь – это название прибрежного цветка, обычно растущего на болотах, Ириса желтого, поэтому переводить нужно с опорой на это, связи с глаголом gladden («радовать») нет. *Ирисная Долина* (калькирование) в переводе В. Маториной, а также *Ирисная Низина* (калькирование) в переводе В. Муравьева и А. Кистяковского, где была задействована также генерализация, соответствуют пожеланиям Дж. Р. Р. Толкина. А. Грузбергом они были проигнорированы, поскольку в его переводе топоним звучит как *Поля Радости*. Н. Григорьева и В. Грушецкий передали название как *Оболонь* (уподобляющий перевод), происходящее от древнерусского слова «болонь», что означает «заливной луг», «низкий, заливаемый водой берег реки».

Королевство людей на севере Гондора **Rohan** также является названием на синдарине, не подлежащему переводу. Оно преимущественно было передано при помощи транслитерации как *Рохан*. Исключением стал перевод *Ристания* (уподобляющий перевод) А. Кистяковского и В. Муравьева. Rohan в переводе с синдарина на всеобщий «horse-country», что говорит о наличии общих сем с переводом, поскольку Ристание образовано от глагола «ристать» со значением «скакать, ездить верхом».

Название, данное эльфами подземному государству гномов **Moria**, также не подлежит переводу. Всеми переводчиками оно было передано при помощи транслитерации как *Мория*, искажая написание для удобства чтения русского читателя.

Южное королевство людей **Gondor** написано на синдарине и, несмотря на заложенный в него смысл, не подлежит переводу. У всех переводчиков оно выглядит как *Гондор* (транслитерация).

Регион **Ithilien**, был передан большинством переводчиков транскрипцией *Итилиен*. В то же время, *Итилия* В. Муравьева и А. Кистяковского представляет собой уподобляющий перевод.

Ephel Dúath – это горный хребет, составляющий западную и южную границы Mordor. Название представлено на синдарине, поэтому не подлежит переводу. У В. Грушецкого и Н. Григорьевой данный топоним отсутствует. Всеми остальными переводчиками он был передан при помощи транскрипции как *Эфель-Дуат*.

Minas Morgul (синдарин) – укрепленный город, расположенный у подножия Ephel Dúath. При передаче данного топонима все переводчики воспользовались транслитерацией – *Минас-Моргул*.

Isengard представляет собой кольцеобразную крепость с башней **Orthanc** посередине. Название башни с синдарина подавляющим большинством переводчиков было передано *Ортханк* с помощью транслитерации, исключением стал *Ортанк* А. Грузберга, использовавшего транскрипцию.

Isengard, напротив является переводом на всеобщий эльфийского названия *Angrenost*, дословно переводящегося как «железный двор». Толкин отмечает, что перевод необязателен, но возможен при условии наличия родственных корней языка перевода с германскими языками. В. Маторина в своем переводе использовала транслитерацию – *Исенгард*. Другие переводчики передали топоним как *Изенгард* использованием транскрипции с элементами транслитерации.

Hornburg – роханская крепость, получившая свое название от короля Хельма, трубившего в свой рог перед набегами на лагерь врагов, так что звук разносился по всей крепости. Название подлежит переводу. С сохранением графической формы передан топоним в переводах А. Кистяковского и В. Муравьева – *Горнбург*, А. Грузбергом, в свою очередь, была сохранена его звуковая форма – *Хорнбург*. С помощью калькирования *Hornburg* было переведено у Н. Григорьевой и В. Грушецкого как *Башия Поющего Роза*. Перевод В. Маториной, *Розатая башия*, спорный, поскольку не до конца понятно в каком значении было использовано прилагательное «рогатая», которое может отражать как значение, заложенное автором «музыкальный инструмент», так и быть атрибутом животного.

Mirkwood – огромный лесной массив, дословно переводящийся как «темный, мрачный лес». Согласно руководству, стоит переводить по смыслу, используя, по возможности, поэтические или устаревшие обороты. У А. Грузберга выглядит как *Мерквуд* (транскрипция). А. Кистяковский и В. Муравьев, В. Маторина переводят топоним приемом калькирования как *Лихолесье* (от «лихой» – дурной, приносящий беду). Уподобляющий перевод Н. Григорьевой и В. Грушецкого, *Сумеречье*, в своей основе имеет прилагательное «сумеречный», употребленное в переносном значении «мрачный».

Gorgoroth представляет собой выжженное плато в центре земель Mordor. Всеми переводчиками использовался прием транскрипции, исключением в написании стал *Горгорат* у Н. Григорьевой и В. Грушецкого, остальные передали топоним как *Горгорот*.

Khand – регион на юго-востоке Mordor. Название не подлежит смысловому переводу, а его этимология неизвестна. У Н. Григорьевой и В. Грушецкого топоним отсутствует. Транслитерацией *Kханд* регион передан у А. Кистяковского и В. Муравьева, В. Маториной, а транскрипцией *Ханд* у А. Грузберга.

Old Forest – небольшой лес на востоке от Shire. Подлежит смысловому переводу. У А. Грузберга и В. Маториной топоним звучит как *Старый лес* (дословный перевод). В переводах А. Кистяковского и В. Муравьева (*Вековечный лес*) и Н. Григорьевой и В. Грушецкого (*Древлепуца* (от «древлий»)) при калькировании наблюдается яркая стилистическая окраска.

Chetwood – небольшой лес в землях Bree, на окраине которого расположен город **Archet**. Название Chetwood состоит из двух слов, кельтского и английского, они оба означают «лес»; Поэтому в Chetwood необходимо оставить «Chet» и перевести «wood». У В. Маториной топоним, и его перевод соответственно, отсутствуют. А. Грузбергом была передана звуковая оболочка топонима – *Четвуд*. Согласно указаниям, при помощи полукальки название леса было переведено у В. Муравьева и А. Кистяковского как *Чембор*. Н. Григорьева и В. Грушецкий перевели топоним при помощи конкретизации как *Чагрый Бор*. Самого определения «чагрый» нами было не найдено, однако была обнаружена связь со словом «чагра», которое в финно-угорских языках означает кедровую рощу, то же слово также присутствует и в севернорусском наречии и подразумевает под собой мелкий густой лес на сыром месте.

Archet, в свою очередь, не подлежит смысловому переводу. Обосновано это в руководстве тем, что Archet имеет кельтское происхождение и является значимым в английском языке. В переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого топоним отсутствует. Уподобляющим переводом *Кривка* был представлено название города в переводе В. Маториной. Кривка, предположительно образованное от «кривой», не отражает географические особенности местности, поскольку они не были представлены в тексте. Остальные переводчики действовали согласно руководству и передали звуковую оболочку слова – *Арчет*.

Бесплодная болотистая возвышенность **Ettenmoors**, несмотря на то, что название представлено на всеобщем языке, имеет в себе корни «etten» (троль, людоед) и «moog», в данном случае, означает бесплодную болотистую возвышенность. Первый корень должен быть оставлен без изменений, а второй переведен. Согласно руководству, с помощью полукальки был сделан перевод у А. Грузберга – *Болота Эттена*. Калькированием воспользовались А. Кистяковский и В. Муравьев (*Троллистое плато*), Н. Григорьева и В. Грушецкий (*Троллистое нагорье*). В. Маторина воспользовалась транскрипцией с элементами транслитерации – *Эттенмур*.

Amon Hen – невысокая возвышенность, название которой с синдарина значит «холм зрения». Смысловому переводу не подлежит. Во всех, за исключением одного, переводах топоним передан при помощи транслитерации как *Амон Хен*. А. Кистяковский и В. Муравьев полукалькой перевели его *Амон-Ведар*, оставив первую часть и взяв в основу отдаленный синоним «видеть» – «ведать». Поскольку Amon Hen также является аванпостом, то есть сторожевым постом, использование «ведать» в значении «узнавать», «иметь сведения о чем-либо» могло быть указанием на эту характеристику топонима.

Brown Lands – один из регионов. В романе земли описываются как выжженные, словно огнем, без единого зеленого растения. Название представлено на всеобщем языке и соответственно подлежит переводу. Самый

распространенный перевод – *Бурые земли* – был представлен калькированием, он звучит в трех переводах. Перевод В. Муравьева и А. Кистяковского, *Буряты* (уподобляющий перевод), имеет в себе корень «бур-», заложенный в исходную часть топонима, однако внешняя оболочка у русского читателя может вызвать ассоциацию с республикой Российской Федерации Бурятией, большая часть которой занята густыми лесами, что противоречит описанию местности автором.

Brandy Hall – название родового дома семьи Brandybuck, подлежащее смысловому переводу. А. Грузберг и В. Маторина использовали транскрипцию с элементами транслитерации: *Бренди-Холл*, *Брендихолл*, соответственно. Н. Григорьева и В. Грушецкий воспользовались полукалькой – *Брэндинорье*, передав первую часть при помощи транскрипции и связав «hall» (зал, чертог) с норами, которыми и являлись жилища хоббитов. Описательный перевод встретился у А. Кистяковского и В. Муравьева – Хоромины. Он раскрывает значимость семьи Brandybuck (родоначальник семьи являлся основателем территории в Shire), описывая размеры их жилища.

Wywater – название деревни в Shire, находящейся у широкого пруда, образованного течением. Большинство переводчиков, согласно руководству, переводили с помощью калькирования: *Приречье* (А. Кистяковский и В. Муравьев, Маторина), *Уводье* (Н. Григорьева и В. Грушецкий). У А. Грузберга название выглядит как *Байуотер* (транскрипция).

5. Заключение

Таким образом, при переводе топонимов для точной передачи необходимо ознакомиться с пожеланиями автора, этимологией слов, характеристиками и особенностями местности. Наиболее часто используемыми приемами перевода стали: транслитерация (22,5%), транскрипция (20%), уподобляющий перевод (17,5%) и калькирование (15,5%). В 3,5% случаев перевод топонимов был опущен.

При переводе имен собственных, не подлежащих переводу, переводчики чаще всего использовали такие приемы как транскрипция, транслитерация, а также их сочетание, однако были и случаи применения уподобляющего перевода, что вело к приобретению именем отличного от заложенного значения.

Топонимы чаще всего передавались с сохранением благозвучия и внешней оболочки, в меньшей степени были использованы уподобляющий перевод и калькирование. Редко был задействован прием описательного перевода, раскрывающий местность, рельеф указанного топонима.

Также стоит отметить ошибки, допущенные при транскрибировании онимов, некоторые из которых связаны предположительно с тем, что имена не были знакомы переводчикам и на время выхода перевода не существовало их официального чтения.

Каждый перевод имеет свои достоинства и недостатки, поэтому нельзя выделить лучший. Выбор перевода зависит от читателя и его предпочтений, но наше исследование доказывает актуальность проблемы перевода онимов в художественных произведениях жанра «фэнтези». Можно говорить о том, что имена собственные играют большую роль в произведениях, поэтому их перевод должен быть правильным и позволяющим онимам осуществить заложенные в них функции.

Список литературы

Алексеев, С. В. Фэнтези / С. В. Алексеев. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 309–312.

Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов : учебное пособие. – изд. стереотип. – Москва : Либроком, 2016. – 312 с. – Текст : непосредственный.

Бортников, В. И. К вопросу о сопряжении текстовых категорий пространства и темы (на материале перевода поэмы Мильтона «Потерянный Рай») / В. И. Бортников. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 62–69.

Бровина, А. В. Особенности художественного жанра фэнтези в английском и русском языках / А. В. Бровина, Д. М. Скакун. – Текст : непосредственный // Гуманитарный научный вестник. – 2022. – № 5. – С. 84–89.

Будаев, Э. В. Литературный персонаж Карабас-Барабас как метафора в российском медиадискурсе XXI в. / Э. В. Будаев, Е. А. Нахимова, Н. Б. Руженцева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2025. – № 1. – С. 165–180.

Будаев, Э. В. Литературный персонаж Железный Дровосек как метафора в российском медиадискурсе / Э. В. Будаев, Е. А. Нахимова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 57–66.

Галкина, М. А. О жанровом своеобразии фэнтези / М. А. Галкина. – Текст : непосредственный // Театр. Живопись. Кино. Музыка. – 2021. – № 1. – С. 97–108.

Голомидова, М. В. Прагматический аспект именотворчества: общий взгляд / М. В. Голомидова. – Текст : непосредственный // Ономастика и диалектная лексика / Под ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2003. – С. 107–120.

Давлеткулова, Л. Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук /

Давлеткулова Лена Надировна ; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2014. – 24 с. – Текст : непосредственный.

Давыдкина, О. Д. Стратегии перевода библионимов (на материале англоязычных библионимов и их перевода на русский язык) / О. Д. Давыдкина, Л. Ю. Дондик. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2023. – № 2. – С. 85–97.

Ермолович, Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи / Д. И. Ермолович. – Москва : Валент, 2005. – 415 с. – Текст : непосредственный.

Илюшкина, М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы / М. Ю. Илюшкина. – Москва : Флинта, 2016. – 84 с. – Текст : непосредственный.

Казакова, А. В. Современные проблемы перевода художественной литературы / А. В. Казакова. – Текст : непосредственный // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2012. – № 9(2). – С. 76–78.

Кан, С. Ономастическая метафора в оригинале и переводе / С. Кан, Л. В. Кушнина. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2021. – Т. 31. № 6. – С. 1233–1240.

Конев, Р. А. Особенности контекстуального перевода имен собственных персонажей анимационных фильмов (на примере мультсериала The Transformers). – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2024. – № 2. – С. 60–82.

Кузьмина, М. И. Имя собственное в художественной речи / М. И. Кузьмина. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2015. – № 2(16). – С. 70–76.

Мадиева, Г. Б. Теоретические основы ономастики / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун. – 2-е изд., доп. и перераб. – Алматы : Қазақ университеті, 2016. – 266 с. – Текст : непосредственный.

Мурзин, Ю. П. Прецедентное имя: из сфер-источников «Литература» и «Кино» в сферу-мишень «Политический дискурс» (на материале СМИ Испании) / Ю. П. Мурзин. – Текст : непосредственный // Филологические науки в МГИМО. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 32–47.

Сергеева, Б. А. Стратегии перевода англоязычных фильмонимов на русский язык / Б. А. Сергеева, Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2024. – № 2. – С. 83–106.

Спачиль, О. В. Имя собственное в литературном переводе / О. В. Спачиль. – Краснодар : КубГУ, 2021. – 172 с. – Текст : непосредственный.

Строева, К. Тупики и выходы / К. Строева. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 1. – С. 399–405.

Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : ЛЕНАНД, 2023. – 366 с. – Текст : непосредственный.

Шмелева, Т. В. Ономастика / Т. В. Шмелева. – Славянск-на-Кубани : КГУ, 2013. – 161 с. – Текст : непосредственный.

Получена: 09.02.2025

Принята: 18.03.2025

**TRANSLATION PECULIARITIES OF TOPONYMS
IN THE NOVEL “THE LORD OF THE RINGS”
BY J. R. R. TOLKIEN**

T. V. Anikina

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
anikishna@mail.ru

A. S. Il'inykh

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
phatter@yandex.ru

Abstract. The article deals with the translation peculiarities of toponyms in the novel by J. R. R. Tolkien “The Lord of the Rings”. The importance of the study is determined by the increased interest in the problems of proper name translations in fiction, particularly in the fantasy genre. The difficulties observed in the proper name translation affect the quality of the translation. The material for the study is 50 toponyms taken from the novel by J. R. R. Tolkien “The Lord of the Rings” as well as their adaptation in four different translations (N. V. Grigorieva and V. I. Grushetsky, A. A. Gruzberg, A. A. Kistyakovskiy and V. S. Muravyov, as well as the translation of V. A. Matorina). Thus, the elaboration of the world artificially created by Tolkien himself is of great interest. The problematic issue of this novel is the presence of a large number of ‘speaking’ proper names and their translations into Russian. Proper names which have a semantic load and are created with the purpose of conveying a certain mood or idea, as a rule, lose their significance and therefore require special attention.

Key words: proper name, toponym, fantasy genre, transcription, transliteration, calquing, descriptive translation, assimilative translation.

References

Alekseev, S. V. (2013). Fentezi [Fantasy]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 309-312.

Bondaletov, V. D. (2016). *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moscow: Librocom.

Bortnikov, V. I. (2014). K voprosu o sopryazhenii tekstovykh kategorij prostranstva i temy (na materiale perevoda poemy Milтона «Poteryannyj Raj») [On the issue of conjugation of text categories of space and theme (based on the translation of Milton's poem "Paradise Lost")]. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 11(4), 62–69.

Brovina, A. V. (2022). Osobennosti khudozhestvennogo zhanra fentezi v angliyskom i russkom yazykakh [Features of the fantasy fiction genre in English and Russian]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*, 5, 84–89.

Budaev, E. V., Nakhimova, E. A. & Ruzhentseva, N. B. (2025). Literaturnyj personazh Karabas-Barabas kak metafora v rossijskom mediadiskurse XXI v. [The Literary Character Karabas-Barabas as a Metaphor in the Russian Media Discourse of the 21st Century]. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, 1, 165–180.

Budaev, E. V. & Nakhimova, E. A. (2025). Literaturnyj personazh Zheleznyj Drovosek kak metafora v rossijskom mediadiskurse [The Literary Character the Tin Woodman as a Metaphor in the Russian Media Discourse]. *Philological Class*, 30(1), 57–66.

Galkina, M. A. (2021). O zhanrovom svoeobrazii fentezi [On the fantasy genre peculiarities]. *Theatre. Painting. Movie. Music*, 1, 97–108.

Golomidova, M. V. (2003). *Pragmaticheskiy aspekt imenotvorchestva: obshchiy vzglyad* [The Pragmatic Aspect of Naming: A General View]. Ekaterinburg: Publishing house of Ural University.

Davletkulova, L. N. (2014). *Toponimy v lingvokul'turologicheskom aspekte (na primere geograficheskikh nazvaniy grafstva Oksfordshir i Chelyabinskoy oblasti)*. [Toponyms in the linguacultural aspect (on the basis of the geographical names of Oxfordshire and the Chelyabinsk Region)]. [Author's abstract, Chelyabinsk State University].

Davydkina, O. D. & Dondik, L. Yu. (2023). Strategii perevoda bibliionimov (na materiale angloyazychnykh bibliionimov i ih perevoda na russkij yazyk) [Strategies for translating bibliionims (based on English-language bibliionims and their translation into Russian)]. *Scientific Notes of NTGSPI. Series: History and Philology*, 2, 85–97.

Ermolovich, D. I. (2005). *Imena sobstvennye: teoriya i praktika mezhyazykovoj peredachi* [Proper Names: Theory and Practice of Interlingual Transfer]. Moscow: Valent.

Ilyushkina, M. Yu. (2016). *Teoriya perevoda: osnovnye ponyatiya i problemy* [Translation Theory: Basic Concepts and Problems]. Moscow: Flinta.

Kazakova, A. V. (2012). *Sovremennye problemy perevoda hudozhestvennoj literatury* [Modern problems of translation of fiction]. *Intellectual potential of the XXI century: stages of knowledge*, 9(2), 76–78.

Kan, S. & Kushnina, V. (2021). Onomasticheskaya metafora v originale i perevode [Onomastic metaphor in the original and translation]. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, 31(6), 1233–1240.

Konev, R. A. (2024). Osobennosti kontekstualnogo perevoda imen sobstvennykh personazhej animacionnykh filmov (na primere multseriala The Transformers). [Features of contextual translation of proper names of characters in animated films (on the example of the animated series The Transformers)]. *Scientific notes of NTGSPi. Series: History and Philology*, 2, 60–82.

Kuzmina, M. I. (2015). Imya sobstvennoe v khudozhestvennoy rechi [Proper name in art speech]. *Current issues of modern philology and journalism*, 2(16), 70-76.

Madieva, G. B. (2016). *Teoreticheskie osnovy onomastiki* [Theoretical basis of onomastics]. Almaty: Kazakh university.

Murzin, Yu. P. (2023). Precedentnoe imya: iz sfer-istochnikov «Literatura» i «Kino» v sferu-mishen «Politicheskij diskurs» (na materiale SMI Ispanii) [Precedent name: from the source spheres "Literature" and "Cinema" to the target sphere "Political discourse" (based on the Spanish media)]. *Philological sciences at MGIMO*, 9(2), 32–47.

Sergeeva, B. A. & Budaev, E. V. (2024). Strategii perevoda angloyazychnykh filmonimov na russkij yazyk [Strategies for translating English-language film names into Russian]. *Scientific notes of NTGSPi. Series: History and philology*, 2, 83–106.

Spachil, O. V. (2021). *Imya sobstvennoe v literaturnom perevode* [Proper name in literary translation]. Krasnodar: KubSU.

Stroeva, K. (2005). Tupiki i vykhody [Dead ends and exits]. *New Literary Review*, 1, 399-405.

Superanskaya, A. V. (2023). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Names]. Moscow: Lenand.

Shmeleva, T. V. (2013). *Onomastika* [Onomastics]. Slavyansk-na-Kubani: KSU.

Submitted: 09.02.2025

Accepted: 18.03.2025

УДК 811.111-26

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКИХ БИБЛИОНИМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

О. Д. Давыдкина

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего
образования «Уральский государственный педагогический университет»

Нижний Тагил, Россия
lesyadavydkina22@yandex.ru

Л. Ю. Дондик

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего
образования «Уральский государственный педагогический университет»

Нижний Тагил, Россия
dondik2006@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода библионимов. Исследование построено на материале франкоязычных библионимов и их переводов на русский язык. Авторы статьи считают, что преодоление трудностей перевода библионимов предполагает тщательный подбор стратегии и приемов перевода. В результате анализа выборки сделан вывод о наибольшей частотности стратегии дословного перевода оригинальных французских библионимов на русский язык, что зачастую определяется стремлением переводчика быть точным, близким к оригиналу. Значительно менее частотны в использовании при переводе французских библионимов на русский язык стратегия трансформаций и стратегия полной замены библионима. Это может быть обусловлено стремлением переводчика сделать библионим более понятным для русскоязычной аудитории за счет применения стратегии полной замены. С другой стороны, именно использование стратегии трансформации требует от переводчика больших ресурсов, переводческих решений. Полученные количественные данные заставляют думать о том, что современная индустрия перевода все больше становится поставленной на поток коммерческой деятельностью, где все меньше остается места для творчества. Таким образом, выбор стратегии полной замены может рассматриваться как уход от лингвистического решения переводческой проблемы, как продиктованное коммерческой необходимостью решение о доместикации (адаптации) оригинального текста с целью повышения прибыли с продаж опубликованной на русском языке книги.

Ключевые слова: библионим, перевод, стратегия перевода, прием перевода, стратегия прямого перевода, стратегия трансформации; стратегия полной замены.

1. Введение

Современная художественная литература является важнейшей составляющей мировой культуры. Библионимы, или названия литературных произведений, отражают идеи и мысли интеллектуального пространства наше-

го времени [Карский, 2005, с. 32]. Как подчеркивает Н. А. Кожина, «заглавие выполняет роль своеобразного порога, открывая и закрывая произведение как в буквальном, так и в переносном смысле. Оно находится между внешним миром и пространством художественного текста, и именно оно первым преодолевает эту границу. В то же время заглавие становится пределом, к которому мы снова возвращаемся, когда закрываем книгу» [Кожина, 1988, с. 15].

Как утверждает американский лингвист Э. Сепир, «язык не может существовать вне культурного контекста, совокупности переходящих из поколения в поколение идей, навыков» [Сепир, 1993, с. 185]. Это детерминирует значительное количество проблем, с которыми сталкивается переводчик как своего рода межкультурный посредник, медиатор, которому приходится выстраивать взаимодействие двух языковых картин мира [Мазлумян, 2009, с. 82–83]. Различное восприятие реалий носителями разных культур или их отсутствие в языке перевода, расхожая фоновая информация, которой обладают автор текста и читатель перевода, разница в языковых средствах, которыми владеют автор оригинального текста и переводчик, — все это вынуждает переводчика искать подходящую стратегию перевода, возможно, прибегать к трансформациям при переводе заглавий, что ведет к частичной потере содержания оригинала.

Л. А. Шимановская поднимая проблему контекстного анализа, говорит о том, что в процессе подготовки художественного перевода переводчику необходимо осуществить анализ содержания всего произведения, его культурной основы [Шимановская, 2012, с. 455]. Нередки случаи, когда дословный перевод невозможен, и тогда должны использоваться функциональные эквиваленты — словосочетания, которые обеспечивают максимально схожее восприятие перевода и оригинала в языковой среде каждого произведения. Именно благодаря поиску оптимальных функциональных эквивалентов, которые если не будут тождественны оригиналу, то максимально к нему приблизятся можно и найти компромисс, баланс [Исхакова, 2010].

При переводе заглавий произведений используются различные модели. Модель перевода — это «условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые лингвист может осуществить перевод» [Комиссаров, 1990, с. 189]. Выбор модели перевода обуславливается языковыми особенностями оригинала и соответствующими явлениями в языке перевода. Однако переводчик может добиваться необходимого результата путями, не совпадающими ни с одной из известных моделей перевода.

В заглавии заключается информация о содержании всего художественного произведения, которая может точно и открыто рассказать читателю о том, что предположительно будет в сюжете. Также заглавие может быть и инструментом для привлечения внимания и раскрытия главной идеи автора. Поэтому для переводчика очень важно вызвать посредством своего перевода адекватные ассоциации и эмоции у читателя.

Т. Г. Никитченко подробно рассматривает проблему перевода заглавий в диссертационной работе «Субъективный фактор в художественном тексте»: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода)», для исследования которой были взяты следующие типы заглавий: заглавия, содержащие лакуны; аллюзивные заглавия; заголовки, построенные на явлениях полисемии и омонимии [Никитченко, 2000]. Автор приходит к выводу, что одной из переводческих задач в работе с библионимами является понимание самой идеи, концепта, который автор переводимого художественного текста хотел донести до читателя, а также учет культурных, исторических и иных особенностей временного промежутка, к которому относится произведение.

Для перевода текстов различных жанров переводчик неизбежно прибегает к переводческим трансформациям – преобразованиям, с помощью которых переводчик осуществляет переход от единиц оригинала к коммуникативно равноценным единицам переводящего языка при невозможности использования регулярных соответствий в условиях заданного контекста, а также доместикации и форенизации, с помощью которых можно переводить и библионимы, относящиеся к художественным произведениям [Давыдкина, Дондик, 2023]. Эти трансформации включают в себя: перестановки — «изменение расположения языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника»; добавления — «использование в переводе дополнительных слов, не имеющих соответствий в оригинале»; замены — «способ перевода, при котором грамматическая единица исходного языка в оригинале преобразуется в единицу переводящего языка с иным грамматическим значением»; опущения — «явление, прямо противоположное добавлению» [Бархударов, 1975, с. 191–226]. При переводе опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными, т. е. выражающие значения, которые могут быть извлечены из текста и без их помощи.

Итак, в процессе перевода заглавий художественных произведений переводчик сталкивается со множеством трудностей, связанных с необходимостью переосмысления содержания под влиянием изменений в экономических, идеологических и исторических обстоятельствах; с отсутствием лакун или культурных реалий в языке перевода, присутствующих в оригинале; с аллюзией, полисемией, омонимией в заглавии; с разницей в восприятии культурных реалий, которая требует от переводчика использования трансформаций, что может привести к частичной потере смысла, заложенного в заглавии; с необходимостью контекстного анализа, когда переводчик не имеет всей информации о произведении (например, тематика или оригинальное название еще не известно), что затрудняет точный перевод заглавия.

Если нет возможности применения стандартных приемов перевода, переводчику приходится искать более гибкие методы решения трудностей

в процессе поиска функциональных эквивалентов. На сегодняшний день составлено несколько классификаций переводческих трансформаций или приемов перевода, опираясь на которые переводчик может решать проблемы перевода. В частности, классификации В. П. Бархударова, В. Н. Комиссарова являются более подробными и общепринятыми.

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужила выборка, включающая 100 библионимов — оригинальных заголовков произведений современной французской художественной литературы, вышедших в свет после 2000 года, а также варианты их перевода на русский язык.

В работе использована методика исследования, согласно которой использование приемов перевода библионимов определяется общей стратегией перевода, которой отдал предпочтение лингвист-переводчик. Под стратегией перевода понимается глобальный подход, который переводчик выбирает для библионима и всего текста. Она зависит от цели перевода, типа текста, аудитории и требований заказчика. Например, переводчик может выбрать буквальный, коммуникативный, вольный или комбинированный подходы. При этом различаются стратегия прямого перевода, стратегия трансформации библионима или стратегии полной замены названия.

Прием перевода — это конкретный способ решения переводческой проблемы в рамках выбранной стратегии. Это уже не общий подход, а метод работы с отдельными элементами текста, который может включать в себя различные переводческие трансформации. Трансформация — это техническое изменение на уровне слов, грамматики или структуры предложения. Это инструмент, который помогает реализовать прием.

Прием перевода демонстрирует, как переводчик решает переводческую задачу; трансформация показывает, что именно он меняет в тексте. Например, переводчик может выбрать прием адаптации, а внутри него применить конкретные виды трансформаций — замену идиомы, перестройку предложения и добавление пояснения.

Еще одним аспектом при переводе библионимов на другой язык является доместикация, т. е. стратегия максимальной адаптации текста к переводному языку. С другой стороны, при переводе библионимов переводчик может прибегнуть к форенизации, стратегии максимального сохранения оригинальных форм, которая иногда может происходить даже в ущерб принимающей культуре [Дондик, 2024].

3. Анализ

Как показал проведенный анализ сплошной выборки франкоязычных библионимов на русский язык, наиболее часто используемой стратегией перевода заглавий книг является прямой перевод (67 % от общего количества примеров выборки).

Например, для публикации перевода на русский язык романа французского писателя Бернара Вербера *La Voix de la Terre* (2014) был использован

дословный вариант «Голос земли». Главный герой романа открывает для себя способность Земли общаться с людьми через природные явления. Рассматриваются темы глобальных катастроф, экологии, а также философии и духа природы. Оригинальное метафорическое название, дословно переданное средствами русского языка, создает атмосферу связи человека с природой и планетой как живым существом, имеющим способность «говорить». Это позволило переводчику, следуя стратегии прямого перевода, отразить в библиониме философскую концепцию книги, передать главную идею сюжета.

Библионим романа Гийома Мюссо *Demain* (2013) в переводе на русский язык также строится на стратегии дословного перевода — «Завтра». Сюжет произведения разворачивается вокруг двух героев, которые случайным образом пересекаются, и их встреча становится отправной точкой для решения важной проблемы, с которой они столкнутся в будущем. Книга исследует, как жизнь и решения людей могут влиять на их будущее, а также на будущее тех, кто их окружает. *Demain* (что в переводе с французского — «Завтра») — это простое и лаконичное слово, но оно несет в себе глубокий смысл, делая отсылку на главную идею произведения. В русской версии переводчик не стал изменять библионим и перевел его дословно, тем самым сохранив лаконичность и главную идею книги — показать столкновение героев с вопросом о том, что их ждет завтра.

Чтобы передать глубокий смысл произведения в кратком емком названии, был сохранен без изменений и библионим триллера Жана-Кристофа Гранже *Le Passager* (2011) — «Пассажира». В психологическом романе, который держит читателя в напряжении, главный герой расследует серию таинственных убийств. Он обнаруживает, что убийства имеют общие черты, а также что его собственная жизнь и прошлое могут быть не менее загадочными, чем преступления, которые он пытается раскрыть.

В контексте данного произведения название может отсылать к ощущениям и эмоциям главного героя, который в какой-то момент становится пассивным участником своего собственного жизненного пути, или к тени прошлого, которая его преследует.

16 % библионимов от общего числа примеров выборки нашего исследования были переведены в рамках стратегии трансформации заглавия. Данная стратегия предполагает более выраженный субъективный фактор в переводе: переводчик принимает решение отойти от форенизации, или курса на максимальное сохранение оригинального заглавия, в пользу доместикации, при которой переводчик больше ориентируется на особенности принимающей культуры, на аудиторию перевода.

Например, французский библионим *Je l'aimais* (2003) произведения Анны Гавальда был переведен на русский язык как «Я ее любил. Я его любил». Оригинальное название романа о женщине, потерявшей мужа, дословно переводится как «Я ее любил», отсылая к личной и эмоциональной

истории. Однако в русской версии переводчик использовал трансформацию по типу добавления, чтобы сделать библионим более экспрессивным, подчеркнуть двусторонний характер взаимной любви. Переводной библионим более оригинальный, сбалансированный, он отражает отношение главных героев к друг другу и позволяет в большей степени передать общий эмоциональный спектр и выразить одновременно идеи взаимной любви и ее утраты.

Заглавие новеллы Анны Гавальда *Ensemble, c'est tout* (2004) также было переведено с помощью стратегии трансформации — «Просто вместе». Это история о четырех незаурядных людях, которые случайно сталкиваются в Париже и начинают помогать друг другу справляться с личными трудностями. Каждый переживает свои проблемы, но они поддерживают друг друга и учатся находить радость в простых вещах.

Оригинальное название буквально переводится как «Вместе — это все», что подразумевает «Быть вместе — это все, что нужно». Однако в русской версии («Просто вместе») переводчик с помощью трансформации по типу замены усилил ощущение легкости и тепла в отношениях главных героев, что адекватно передает настроение произведения и концепцию книги.

Библионим психологического триллера Жана-Кристофа Гранже *La Forêt des mânes* (2009) был переведен на русский язык «Лес мертвецов».

Этот психологический триллер рассказывает о расследовании необычных событий, происходящих в лесах Франции, где находят тела погибших людей. Следователь сталкивается с темной историей прошлого и мистическими событиями, погружается в мир тайн и древних культов, пытаясь раскрыть убийства. *La Forêt des mânes* буквально переводится как «Лес духов» или «Лес душ мертвых» (*mânes* от латинского *manes* — души умерших). Во французском оригинальном библиониме название имеет мистический подтекст и отсылает к древним культам и душам, которые не нашли покоя. В русском же переводе («Лес мертвецов») название хоть и выражает ту же атмосферу, но обретает более явный и четкий смысл для читателя, что, вероятно, окажется более эффективным с точки зрения воздействия на русскоязычную аудиторию.

Роман Эрика-Эммануэля Шмитта *La Vie devant soi* (2002) / «Жизнь впереди» повествует о мальчике, который вырос в парижском пригороде и был сиротой. Он попадает под опеку старой женщины, которая пережила многие трудности, но все равно продолжает заботиться о людях. Это трогательная история о том, как два человека, несмотря на свою уязвимость и страдания, могут поддерживать друг друга в трудные моменты.

Оригинальный библионим *La Vie devant soi* можно перевести как «Жизнь перед собой». Это отсылка на неопределенность будущего, перспективы и надежды главных героев. Русскоязычный переводной библионим «Жизнь впереди» более емко передает главную идею произведения. Также перевод звучит более естественно и гармонично для русскоязычного

читателя. Он подчеркивает тему надежды и борьбы за будущее, что соответствует содержанию книги.

В романе Жана-Кристофа Гранже *Le Concile de pierre* (2000) / «Братство камня» группа ученых, изучавших аномалии в Монголии после ядерных испытаний. Они сталкиваются с шаманскими ритуалами и мутировавшими детьми, одним из которых является усыновленный героиней мальчик Люсьен. Русская версия библионима отсылает читателя к двум ключевым элементам произведения: к братству (группе ученых) и камню (радиоактивной породе или артефакту, использовавшемуся в обрядах). Оригинальное же название можно дословно перевести как «Каменный собор». Таким образом, переводчик использовал стратегию трансформации по типу замены, чтобы избежать ассоциации у русскоязычного читателя с христианством, так как произведение представляет собой мистический триллер с элементами детектива и не имеет отношения к религии. Переводной библионим строится на конкретизации как приеме перевода.

Роман Анны Гавальда *La Consolante* (2008) / «Утешительная партия игры в петанк» повествует о том, как герои книги находят утешение в простых мелочах. В данном случае — в игре в петанк. Оригинальное название произведения *La Consolante* дословно можно перевести как «Утешительная (песня)». Переводчик расширил лексический состав библионима (трансформация по типу добавления), сделал его более конкретным (прием конкретизации), добавив отсылку к главной идее сюжета и французскому оригинальному названию игры, популярной среди жителей южных регионов Франции (Прованс).

Немного более частотной, чем стратегия трансформаций, оказалась стратегия полной замены библионима, которую мы выявили в 17 % примеров от общего числа примеров выборки исследования.

Так, название книги о подростке с дислексией, который мечтает поступить в колледж, Анны Гавальда *Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part* (2002) было переведено на русский язык как «35 кило надежды». Оригинальное название представляет собой цитату из стихотворения известного французского поэта Жака Превра. Она передает идею об экзистенциальном одиночестве и может быть переведена дословно как «Я хотел бы, чтобы кто-то ждал меня где-то». Однако переводчик выбрал стратегию полной замены библионима, используя отсылку к весу портфеля главного героя (35 кило). Также переводчик вводит мотивационный элемент, отсутствующий в оригинале (надежда), тем самым указывая на «вес» надежды главного героя, отражающий его борьбу. В данном случае французский вариант демонстрирует традиции меланхоличной лирики, а русский перевод ориентирован на подростковую аудиторию и ставит акцент на преодолении трудностей, что является более актуальной темой для русскоязычного читателя.

Французское название книги Анны Гавальда *L'échappée belle* (2010) содержит устойчивое выражение, которое можно дословно перевести как

«красивый побег» или «удачный выход». Сам рассказ об отлично проведенных выходных. О встрече брата с любимыми сестрами, об их веселом побеге с семейного торжества, приключениях и похождениях «великолепной четверки». Таким образом, можно сказать, что название — это отсылка к событиям, происходящим в рассказе. Переводчик применил стратегию полной замены библионима и перевел название как «Глоток свободы». Тем самым специалист передал эмоциональную составляющую названия и сохранил отсылку к главным героям рассказа, которые буквально «сбегают» от семейных обязательств, чтобы ненадолго ощутить вкус прежней жизни.

Роман Жана-Кристофа Гранже *Le Serment des limbes* (2007) / «Присягнувшие тьме» посвящен расследованию серии убийств, где преступники — люди, пережившие клиническую смерть и ставшие «орудиями дьявола». Они управляют разложением тел и помечены сатанинской символикой. Библионим *Le Serment des limbes* дословно переводится как «Клятва лимбов» или «Обет преддверия». Термин *Limbes* (лимб) в христианской теологии — это место между раем и адом, где пребывают души некрещеных и атеистов. В контексте романа лимб символизирует клиническую смерть, которую пережили убийцы (они «вернулись» с того света, но присягнули тьме), и духовный кризис главных героев. В данном случае переводчик выбрал стратегию полной замены названия, так как дословный перевод может быть непонятен читателю, незнакомому с религиозной терминологией, и создавать неверное впечатление от книги.

Оригинальное название книги Жюль Легоардинь *Ça peut pas rater!* (2017) / «Больше не промахнусь!» дословно переводится как «Это не может провалиться!» или «Неудача исключена!». По сюжету главная героиня Мари, пережив предательство любимого человека, решает взять жизнь в свои руки. Она планирует месть, ищет тайного поклонника и борется за свое счастье, демонстрируя упорство и юмор. Переводчик полностью изменил название на «Больше не промахнусь!», тем самым сделал его более эмоциональным и ироничным, что передает настроение произведения.

Заглавие произведения Жюль Легоардинь *Quelqu'un pour qui trembler* (2018) / «Лучше поздно» также переведено на русский язык на основе стратегии полной замены библионима. Оригинальное название романа, повествующего о враче, узнавшем о существовании взрослой дочери и решившем стать ее «тайным ангелом-хранителем», дословно можно перевести как «Кто-то, за кого можно переживать» или «Тот, кого можно бояться потерять». Для адаптации библионима переводчик полностью изменил название отсылкой к известной поговорке «Лучше поздно, чем никогда», тем самым сделав переводной библионим более лаконичным и понятным для читателя. В то же время в переводном заглавии передана главная идея книги.

Книга Жюль Легоардинь *Demain j'arrete!* (2014) / «Не доверяйте кошкам» рассказывает о журналисте, который постоянно обещает себе начать новую жизнь с понедельника. Ее оригинальное название дословно перево-

дится как «Завтра прекращаю!». Оно ссылается на идею сюжета, иронично раскрывает тему слабой воли человека. Переводчик полностью изменил название на «Не доверяйте кошкам». Одной из причин такого изменения является ключевая роль кота в сюжете. Этим самым переводчик сделал название более интригующим и привлекательным для аудитории, но в некоторой степени вводящим читателя в заблуждение, так как книга не повествует о кошках.

Роман Жилия Легардинье *Complètement cramé!* (2014) / «Совсем того!» рассказывает об Эндрю Блейке, богатом бизнесмене, внезапно бросившем все и устроившимся дворецким в провинциальное французское поместье. Там он сталкивается с колоритными персонажами: хозяйкой-затворницей, кухаркой, которая ласкова только с котом Мефистофелем, чудаковатым управляющим. Постепенно главный герой «оживает» среди этих людей, находя новый смысл жизни. Оригинальное название *Complètement cramé!* можно перевести как «Полностью сгорел!» или «Совершенно выгорел!». Французский библионим содержит отсылку на усталость и эмоциональное выгорание главного героя. Переводчик придерживался стратегии полной замены. Русский вариант перевода «Совсем того!» не раскрывает главной идеи сюжета, но делает название более броским и интригующим для русскоязычной аудитории, а также передает легкость и комедийность повествования автора.

Действие произведения Марка Леви *C'est arrivé la nuit* (2022) / «Выключи свет — и увидишь звезды» разворачивается ночью. Именно ночь становится главным символом произведения. Главные герои — два человека, каждый из которых несет в себе свой внутренний кризис, вопросы и сомнения. Именно в ночное время, когда все вокруг затихает, они начинают понимать не только друг друга, но и самих себя. Оригинальное название *C'est arrivé la nuit* дословно переводится как «Это случилось ночью» и является прямой отсылкой к сюжету книги. Переводчик полностью изменил название, сделав его более поэтичным, сохранив магию и подчеркнув атмосферу ночи.

4. Заключение

Таким образом, при переводе библионимов переводчик сталкивается с целым рядом трудностей, для преодоления которых требуется применение переводческих приемов, трансформаций и стратегий перевода. Грамотный выбор стратегии перевода и определение приемов, которые можно использовать при переводе того или иного библионима — одна из самых сложных задач переводчика. Нами было рассмотрено несколько классификаций стратегий, приемов и переводческих трансформаций, а также сформулирована коннотация между ними.

Таким образом, было выявлено, что в нашей выборке стратегия переводческих трансформаций была использована в 16 % случаев, стратегия

полной замены названия — в 17 % примеров выборки, стратегия прямого перевода — в 67 % случаев (Таблица 1).

Таблица 1
Процентное соотношение стратегий перевода библионимов

Название стратегии перевода библионимов	Процент примеров от общего количества примеров выборки
Стратегия прямого перевода	67 %
Стратегия трансформаций	16 %
Стратегия полной замены	17 %
Всего:	100 %

В ходе настоящего исследования, проведенного на материале франкоязычных заголовков произведений художественной литературы XXI века, было выявлено, что три описанных стратегии перевода (прямой перевод, переводческие трансформации, полная замена онима) актуальны для переводчиков при работе с библионимами.

Стратегия использования переводческих трансформаций в процессе перевода библионимов оказалась наименее распространенной. С одной стороны, это может быть обусловлено стремлением переводчика остаться максимально близким к оригиналу, либо сделать библионим более понятным для русскоязычной аудитории за счет применения стратегии полной замены библионима. С другой стороны, именно использование стратегии трансформации требует от переводчика больших усилий, дополнительных размышлений, поиска, затраты временных ресурсов. Именно стратегия трансформации требует принятия переводческого решения и активного участия переводчика как литератора, когда лингвист становится своего рода сотворцом, соавтором литературного произведения. Полученные количественные данные заставляют думать о том, что современная индустрия перевода все больше становится поставленной на поток коммерческой деятельностью, где все меньше остается места для творчества. Сталкиваясь с такими трудностями перевода оригинальных библионимов, как каламбуры, метафоры, прецедентные феномены и другими, переводчик может отдать предпочтение стратегии полной замены названия книги, публикуемой в переводе для носителей другого языка и другой культуры, вместо того, чтобы подбирать разные варианты переводческих трансформаций. Таким образом, выбор стратегии полной замены библионима – это, в некоторой степени, уход от лингвистического решения проблемы перевода, признание отсутствия варианта с трансформацией, либо продиктованное коммерческой необходимостью решение о доместикации (адаптации) оригинального онима с целью повышения прибыли с продаж.

В дальнейшем исследование может быть продолжено и дополнено сопоставительным анализом перевода заглавий произведений современной зарубежной литературы на русский язык, а также изучением особенностей перевода оригинальных русскоязычных библионимов на иностранные языки.

Список литературы

Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. — Москва : Международные отношения, 1975. — 240 с. — Текст : непосредственный.

Давыдкина, О. Д. Стратегии перевода библионимов (на материале англоязычных библионимов и их перевода на русский язык) / О. Д. Давыдкина, Л. Ю. Дондик. — Текст : электронный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. — 2023. — № 2. — С. 85–97. — URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=75712> (дата обращения: 16.03.2025).

Дондик, Л. Ю. Стратегии перевода англоязычных фильмонимов на русский язык / Л. Ю. Дондик. — Текст : электронный // Филология: научные исследования. 2024. — № 1. — С. 37–50. — URL: https://enotabene.ru/fmag/article_69490.html (дата обращения: 16.03.2025).

Исхакова, И. В. Семантические и функциональные особенности заголовочных комплексов художественных текстов (на материале произведений англоязычных авторов XVIII–XX вв.) / И. В. Исхакова. — Текст : непосредственный // Вестник ОГУ. — 2010. — № 11. — С. 75–81.

Карский, Е. Ф. Карский Е. Ф. и современное языкознание / Е. Ф. Карский. — Текст : непосредственный // Материалы X международных Карских чтений / под ред. М. И. Конюшкевича. — Гродно : Издательство ГрГУ, 2005. — С. 3–84.

Кожина, Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кожина Наталья Александровна ; Московский государственный университет. — Москва, 1988. — 230 с. — Текст : непосредственный.

Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. — Москва : Высшая школа, 1990. — 253 с. — Текст : непосредственный.

Мазлумян, В. С. Картина мира или образ мира / В. С. Мазлумян. — Текст : непосредственный // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы: тезисы докладов. — 2009. — № 4. — С. 100–109.

Никитченко, Т. Г. Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода) : специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой сте-

пени доктора психологических наук / Никитченко Татьяна Геннадьевна ; Кубанский государственный университет. — Краснодар, 2000. — 213 с. — Текст : непосредственный.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир – Москва : Прогресс : Изд. группа «Универс», 1993. — 654 с. — Текст : непосредственный.

Шимановская, Л. А. Переводческие исследования и их специфика / Л. А. Шимановская. — Текст : непосредственный // Вестник Казанского технологического университета. — 2012. — № 3. — С. 450–456. — Текст : непосредственный.

Получена: 01.03.2025

Принята: 29.03.2025

STRATEGIES FOR TRANSLATING FRENCH BIBLIONYMS INTO RUSSIAN

O. D. Davidkina

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
lesyadaydkina22@yandex.ru

L. Yu. Dondik

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
dondik2006@yandex.ru

Abstract. The article deals with strategies for translating biblionyms. The research is based on the material of French biblionyms and their translation into Russian. The authors of the article believe that overcoming the difficulties of translating biblionyms requires careful selection of translation strategies and techniques. As a result of the sample analysis, it was concluded that the strategy of literal translation of the original French biblionyms into Russian is the most frequent, which is often determined by the translator's desire to be strict and close to the original. The transformation strategy and the strategy of complete replacement of the biblionym are much less frequently used in the translation of French biblionyms into Russian. This may be due to the translator's desire to make the biblionym more understandable to the Russian-speaking audience by applying a complete replacement strategy. On the other hand, it is the use of a transformation strategy that requires a lot of resources and translation solutions from the translator. The quantitative data obtained suggests that the modern translation industry is increasingly becoming a commercial activity, where there is less and less

room for creativity. Thus, the choice of a complete replacement strategy can be considered as a departure from the linguistic solution of the translation problem, as a commercially necessary decision to domesticate (adapt) the original name in order to increase profits from sales of a book published in Russian.

Key words: biblionym; translation; translation strategy; translation reception; direct translation strategy; transformation strategy; full replacement strategy.

References

Barkhudarov, L. S. (1975). *Language and translation (Issues of general and particular theory of translation)*. Moscow : International relations, 240 p.

Davidkina, O. D., Dondik, L. Yu. (2023). Strategies for translating English biblionyms into Russian. *Scientific notes of the NTSPA. Series: History and Philology*, 2, 85–87.

Dondik, L.Y. (2024) Strategies for translating English-language filmonyms into Russian. *Philology: scientific research*, 1, 37-50. doi: 10.7256/2454-0749.2024.1.69490

Iskhakova, I. V. (2010). Semantic and functional features of heading complexes of literary texts (based on the works of English-speaking authors of the XVIII-XX centuries). *Vestnik OGU*, 11, 75–81.

Karsky, E. F. (2005). *Karsky E. F. and modern linguistics. Materials of the X International Kara Readings*. Grodno : GrSU Publishing House, 284 p.

Komissarov, V. N. (1990). *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow: Visshaya shkola.

Kozhina, N. A. (1988). *Zaglaviye khudozhestvennogo proizvedeniya: ontologiya, funktsii, parametri tipologii* [Title of a work of art: ontology, functions, typology parameters]. [Candidate dissertation, Moscow State University].

Mazlumyan, V. S. (2009). The picture of the world or the image of the world. *Psycholinguistics in the 21st century: results, problems, prospects: abstracts of reports*, 4, 100–109.

Nikitchenko, T. G. (2000). *Subjective factor in a literary text: linguistic and psychological aspects (based on translation)*. [Doctoral dissertation, Kuban State University].

Sepir, E. (1993). *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow : Progress, 654 p.

Shimanovskaya, L. A. (2012). Translation studies and their specifics. *Bulletin of Kazan Technological University*, 3, 450–456.

Submitted: 01.03.2024

Accepted: 29.03.2024

УДК 81.25

АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В РАКУРСЕ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА

С. О. Ковалева

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего
образования «Уральский государственный педагогический университет»

Нижний Тагил, Россия
sovyshkakovaleva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются новые лексические единицы в сфере ИТ-технологий. Материалом для исследования послужили неологизмы английского языка, которые были собраны путем сплошной выборки из аутентичных словарей (Dictionary of Neologisms, Urban Dictionary, The Rise University Neologisms Database) за период с 2008 по 2024 гг. В работе используются следующие методы исследования: метод сплошной выборки, метод концептуального анализа, метод когнитивного моделирования, описательный метод. Как показал анализ, неологизмы являются не столько лексическими единицами, сколько концептами, содержащих как ментальную лексему, то есть знание о плане выражения и значении неологизма, так и широкий спектр ментальных репрезентаций, включающих в себя образный, понятийный, эмоционально-оценочный компоненты. Процесс неологизации представляет собой комплексный когнитивно-дискурсивный процесс, в ходе которого происходит обновление лексической системы языка в соответствии с ценностными ориентирами народа, языковой картины мира, духовно-практической деятельностью человека, что носит динамический характер.

Ключевые слова: неологизм, неологизация, новые лексические единицы, когнитивный подход, концепт.

1. Введение

Современная лингвистика рассматривает язык в качестве динамической сложнорегулируемой системы. Языковая система находится в перманентном процессе развития, прогресса и совершенствования. Язык, как и человек, имеет свое прошлое, настоящее и будущее. Этим во многом обусловлено то, что, по мнению многих лингвистов, в научной литературе, одной из центральных проблем в научной литературе является проблема языковой изменчивости [Арнольд, 2006].

В работах лингвистов неоднократно отмечалось, что неотъемлемым условием существования любого языка, как основного средства коммуникации, является его непрерывное развитие, его эволюция, отмирание отживших уже не находящихся в употреблении и появление новых элементов на разных уровнях языковой системы.

Область неологии традиционно остается одним из самых перспективных и дискуссионных сегментов научного теоретического и прикладного лингвистического знания. Стремительное развитие неологии обусловлено

самой сущностью предмета ее исследования – динамических изменений в лексическом составе языковой системы. Неологизмы являются неотъемлемой частью развития английского языка, поскольку новые слова и выражения появляются для описания новых концепций, технологий, социальных явлений.

Одной из основополагающих причин появления неологизмов можно считать стремление общества точно, емко и в то же время выразительно зафиксировать при помощи лексических средств новые культурные, политические, экономические и технические явления.

Важно понимать, что не все неологизмы можно считать новыми словами. Существуют семантические неологизмы – это уже имеющиеся в языке слова, которые приобрели новое значение, морфологические неологизмы – слова, появившиеся в языке благодаря словообразовательным процессам. Ряд исследователей утверждает, что невозможно точно определить какие слова следует относить к данной группе языковых единиц, а какие исключать из нее. В этом контексте представляется целесообразным обратиться к концепциям, выдвинутым отечественными лингвистами.

В настоящее время рассмотрение процесса неологизации невозможно без обращения к духовно-практической деятельности индивида, оказывающей особое влияние на его самоопределение, мироощущение и культурные ценности. Кроме того, важно учитывать общественно-политическую среду, которая также оказывает существенное влияние на сознание и мышление человека и, как следствие, на создание лексических новообразований. Когнитивная лингвистика в совокупности с другими смежными науками позволяет наиболее полно раскрыть сущность этих явлений, а также дать ответы на множество вопросов о взаимосвязи процессов неологизации и когнитивной деятельности человека.

2. Современные подходы к определению неологизации

О сущности неологизма размышляли многие отечественные и зарубежные лингвисты [Арнольд, 1986; Ахманова, 1969; Гракова, 2015; Нелюбин, 2003; Ньюмарк, 2008; Попова, 2005; и др.] Так, в своей работе Янссен М. выделяет пять базовых критериев для определения понятия «неологизм» [Янссен, 2005]:

- Психологический неологизм (psychological neologism) – это слово, которое воспринимается как новое общество. Например, французский лексикограф и лингвист Ален Рей не относит слово «stockfish» к неологизмам, хотя французское общество признало его таковым. По мнению Рей, субъективное восприятие новизны слова не может быть решающим фактором при выделении неологизмов, а в случае с данным словом произошло именно так.

- Лексикографический неологизм (lexicographic neologism) – это слово, не зафиксированное в словаре. Например, слово «chairdrobe», которое можно обнаружить в социальных сетях, не зафиксировано в Cambridge

Dictionary [<https://dictionary.cambridge.org/>] и Oxford Learner's Dictionary [<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>].

•Эксклюзивное определение (exclusive definition) – неологизмом считается слово, не использовавшееся ранее в речи. Главным преимуществом данного определения лингвист определяет возможность автоматизировать процесс выделения неологизмов. Кроме того, Маартен Янссен подтверждает выдвинутую идею на примере существования специального онлайн-инструмента, осуществляющий отбор неологизмов. Данный инструмент носит название NeoTrack System. Первым шагом в работе этой системы является создание списка исключений (exclusion list), содержащего в себе слова, не являющиеся неологизмами, из любого подходящего источника. Затем в корпусе, предполагающем наличие неологизмов, проводится чистка и маркировка слов, а после этого остается список слов, из которых вычеркиваются слова из списка исключений, что на выходе составляет список неологизмов. Недостаток этой системы в том, что она не проводит семантический анализ и, соответственно, не учитывает семантические неологизмы. Таким образом, неологизмы такого типа не могут быть выделены и учтены. Лексиколог определяет неологизмы, которые могут быть распознаны данной системой, орфографическими (orthographic neologisms).

•Диакроническое определение (diachronic definition) относит к неологизму любую словоформу, возникающую в современных текстах определенного языка, ранее не существующую в нем. К проблемам диакронического определения Маартен относит отсутствие возможности определить, какие слова являются частью языка, а какие нет: «The problem of the diachronic definition is that it does not, by itself, define what words are part of the language, and hence which words are new» [Янссен, 2005]. Таким образом, Маартен переходит к следующему определению неологизмов, ориентированному на корпус.

•Определение, ориентированное на корпус (reference corpora definition) подразумевает под неологизмом любое слово в определенном новом тексте на конкретном языке, которое не появлялось в определенном корпусе этого языка ранее. Однако ни один корпус не содержит всех слов, существующих в языке на данный момент. Из этого следует, что появление рецепта в новом тексте может иметь много «новых» слов, относящихся к названиям специфической еды (например, t-bone steak) или терминологии приготовления блюд (например, голландское слово blancheren) в том случае, если корпус не содержит в себе рецептов. Но, несмотря на определение, ориентированное на корпус, данные слова не относятся к неологизмам.

Стилистическая теория гласит о том, что неологизмами можно считать слова с выраженным эффектом новизны. Этого определения придерживаются такие ученые, как А. Г. Лыков, А.В. Калинина, Е. В. Сенько и др. Признак новизны – это важная составляющая неологизма, однако воз-

никает проблема неопределенности данного понятия. Более того, ощущение новизны – необъективное понятие: новое слово для одного человека будет совершенно обыденным и знакомым для другого. В то же время Р. Ю. Намитокова полагает, что «психологическая оценка факта новизны слова является субъективной, не поддается абсолютизации» [Намитокова, 1986].

Для формализации критерия новизны, было предложено основываться на мнении наиболее компетентных в данном вопросе носителей языка: лингвистов, филологов и др. Советский и российский лингвист В. Г. Гак подчеркивал необходимость мнения специалиста с развитой лингвистической компетенцией [Гак, 1977]. Однако в таком случае новизна связана с языковой способностью и компетенцией человека, а не с языком как системой, и потому существование такого подхода подвергается сомнению, поскольку само понятие «неологизм» носит лингвистический характер.

Н. З. Котелова, представитель конкретно-исторической теории, полагала, что признак «новизны» должен быть уточнен в контексте времени и языкового пространства, подчеркивая, что этот признак является основополагающим в определении неологизма [Котелова, 2015]. Эти уточнения называются конкретизаторами и классифицируются по трем признакам:

1. Конкретизатор по признаку времени показывает, что слова, потенциально относящиеся к неологизмам, появляются на определенном этапе развития языка, и не существовали ранее. Отсюда следует вывод, что неологизм отражает современные реалии.

2. Конкретизатор по языковому пространству указывает, в каких сферах

жизни и в каком жанре употребляется то или иное слово. То есть слово в языке может перемещаться из одной сферы в другую. Более того, появляются следующие показатели новизны: «новое для всех языков», «новое для данного национального языка», «новое для литературного языка», «новое для конкретного подъязыка» [Котелова, 2015].

3. Конкретизатор вида новизны уточняет, появилось ли у слова или выражения новое значение и форма. Отмечается, что оно может обладать и тем, и другим одновременно.

Таким образом, Н.З. Котелова определяет неологизмы как «слова, значения слов, идиомы, существующие в определенный период в определенном языке, подъязыке, языковой сфере и не существовавшие в предшествующий период в том же языке, подъязыке, языковой сфере» [Котелова, 2015].

Таким образом, из анализа различных интерпретаций понятия «неологизм», ключевого в данном исследовании, следует вывод о том, что далеко не все определения являются исчерпывающими и подробно раскрывают содержание и специфику рассматриваемого понятия. Ключевой проблемой

остаётся конкретизация критерия новизны слова, важной в четкой дифференциации понятия.

На протяжении долгого времени новообразования в лексическом составе языка рассматривались исследователями в рамках традиционной лингвистики. На современном этапе развития лингвистической науки исследователи обращаются к нестандартным подходам изучения процессов пополнения и расширения лексической базы.

4. Становление когнитивного подхода к неологизмам

Особенностью современной лингвистики является когнитивный поворот, под которым понимается «тенденция включать в сферу исследовательского интереса вопрос о когнитивных структурах и когнитивных механизмах оперирования этими структурами для объяснения феноменов, которые не поддавались адекватному изучению в рамках традиционной позитивистской методологии» [Будаев, 2020, с. 50]. Когнитивный подход в языкознании подразумевает анализ речевых фактов как отражения концептов, ментальных коррелятов языковых явлений. Таким образом, возникает возможность смоделировать концептуальную систему, состоящую из концептов, способом актуализации которых является язык. Одну из классификаций концептов предложила М. В. Пименова, распределив их по трем категориальным классам: «базовые концепты, концепты-дескрипторы и концепты-релятивы»:

1. Базовые концепты. В данную категорию входят все концепты, представляющие основную языковую картину мира. Также к данной категории можно добавить несколько подклассов: 1) космические концепты, 2) социальные концепты, 3) духовные концепты.

2. Концепты-дескрипторы. К таковым относятся: 1) размерные концепты, представляющие различного рода физические изменения (размер, высота, объём, глубина); 2) качественные концепты, отражающие качественные характеристики (warm – cold, holistic – parity, hardness – softness); 3) количественные концепты, выражающие количество (one, few, many, sufficiency – insufficiency).

3. Концепты-релятивы. В которых можно найти личностное отношение к языковым реалиям. К ведущим относятся: 1) концепты-оценки (good – bad, right – wrong, true – false), 2) концепты-позиции (for, against, between, modern – dated, near – far) и 3) концепты-привативы (yours – another's, take – give, own – lose) [Пименова, 2013].

Важно отметить, что расширение представленной классификации невозможно без непрерывного обогащения ее новыми значениями языковых единиц, что обуславливает важность пополнения состава языка лексическими новообразованиями в рамках когнитивного процесса языка.

Н. Н. Болдырев даёт многофункциональную типологию концептов:

1. Лексически представленные концепты и лексические категории (описывают мир как таковой с помощью лексем);

2. Грамматические концепты и категории (определяют правила и принципы описания знания о мире);

3. Модусные концепты и категории («передают способы интерпретации самих объектов, событий и знаний о них отдельными носителями языка» [Болдырев, 2013].

С точки зрения когнитивного подхода в своих исследованиях наиболее подробно рассмотрели неологизм как явление многие российские лингвисты [Боярская, 2013; Кубрякова, 1997; Степанов, 2007; Петрович, 2013; Сонголова, Солодкова, 2023 и др.].

В своих рассуждениях о процессе зарождения новой лексической единицы в языке, Ю. С. Степанов вводит такое понятие, как *«мерцающий концепт»*. Потребность в именовании нового предмета или явления вызывает так называемый *«мерцающий концепт»*, создавая необходимость подвести этот концепт под определенную категорию, чтобы наделить его исходным смыслом. Эту цепочку завершает так называемый процесс вербализации, то есть, приобретение словесной оболочки. Принцип «стадиальности» формирования нового слова не нов для лингвистики, но Ю.С. Степанов обращается к, действительно, глубинным структурам, анализируя «зачаточное» состояние нового слова [Марченко, 2013].

С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода к рассмотрению понятия «неологизм» подходит лингвист Е. С. Кубрякова. Когнитивно-дискурсивный подход уже довольно активно применяется. В рамках данной парадигмы исследования проводят и другие современные лингвисты (Н. Ф. Алефиренко, В. Е. Чернявская и др.). «Объективная необходимость изучения нового слова в русле когнитивно-дискурсивного направления определяется самой природой и сущностью неологизации, которая рассматривается нами как комплексный когнитивно-дискурсивный процесс, представляющий собой обновление лексико-семантической системы языка в соответствии с преобразованиями языкового сознания народа, изменениями его ценностных ориентиров в связи с возникающими когнитивно-прагматическими потребностями речемышления» [Касьянова, 2013].

По мнению Е. С. Кубряковой, именно когнитивно-дискурсивный подход является наиболее обширным в рамках анализа явления неологизмов, отражая комплексный междисциплинарный характер исследования с учетом взаимодействия различных областей лингвистического знания [Кубрякова, 1997]. Е. С. Кубрякова подчеркивает крайнюю степень важности словообразовательных процессов, влияющих на формирование и организацию языковой картины мира и той системы таксономии человеческого языка, которая в них представлена [Кубрякова, 1986]. По ее мнению, ориентирующая функция словообразования является главной, это обуславливается тем фактом, что возникающие словообразовательные конструкции позволяют человеку лучше ориентироваться в окружающей его среде. Анализ процесса порождения лексических новообразований в рамках когнитивно-

го подхода позволяет определить не только типы знаний, участвующие в этом процессе, но связанные с ними когнитивные структуры, а также выявить возможные пути вербализации осмысляемого явления или понятия. Дискурсивная составляющая учитывает интенции автора, контекст, практическую значимость и т. д. Таким образом, когнитивно-дискурсивный подход к анализу новой лексической единицы стремится дать наиболее полное описание объекта исследования.

Размышляя о когнитивной природе неологизмов современного английского языка, исследователи Ж. Г. Сонгорова и Е. В. Солодкова выявляют основные тенденции словообразования новых лексических единиц в языке и определяют семантику производных слов. В качестве материала лингвисты отобрали неологизмы, представленные в аутентичных источниках («Cambridge Dictionary», «Oxford English Dictionary», «McMillan Dictionary of English Language»).

Исследователи отмечают, что особенно сильное влияние на словообразование оказывают протекающие в обществе социально-политические процессы, протекающие в обществе, в частности, пандемия Covid-19, оказавшая значительное влияние на расширение лексического состава языка. Возникла необходимость фиксирования в языке новых когнитивных структур и концептов, обусловленных стихийным появлением. Язык незамедлительно реагировал на все социальные потрясения в обществе, образуя новые единицы для наименования и осмысления всех происходивших процессов. Стихийное появление новых явлений обусловило фиксирование новых концептов. Примерами могут служить следующие лексические новообразования: *maskne* (акне, вызванное постоянным ношением маски), *superspreader* (человек, который заразил больше людей, чем в среднем заражает инфицированный человек), *zoomfatigue* (усталость от Зума), *flexischooling* (организация обучения, когда онлайн занятия сочетаются с оффлайн занятиями), *smize* (улыбаться глазами при ношении маски) [Сонгорова, Солодкова, 2023].

Любое производное слово – мотивированный и расчлененно представляющий свое значение знак, при этом степень мотивированности может различаться. Е. С. Кубрякова классифицирует новообразования следующим образом: полностью мотивированные производные слова, частично мотивированные и полностью немотивированные или идиоматичные производные слова [Кубрякова, 2004].

Для понимания значения полностью мотивированных производных слов контекст практически не требуется, и концепты, фиксируемые такими неологизмами, интуитивно понятны и знакомы всем. Например: *parastronaut* – человек с физическими недостатками, которого обучили для полетов в космос, *romantasy* – книга или фильм, сочетающий жанр любовной истории и фэнтези, *sibling novel* – роман, главные герои которого родные брат и сестры.

Следующая группа неологизмов – частично мотивированные производные слова – требуют контекста для актуализации их значения. Например: *fast fashion* (быстро меняющаяся мода). Для актуализации значения данной единицы ее необходимо поместить в контекст: *The culture of fast fashion depends on our constantly evolving desires as well as en masse purchases to keep companies ticking over* (“McMillan Dictionary of English Language”). (Культура быстро меняющейся моды зависит от наших постоянно меняющихся желаний, а также от массовых покупок, которые помогают поддерживать работу компаний).

Полностью немотивированные или идиоматичные производные слова, являются сложными по своему значению лексическими единицами, реализуются всегда только в развернутом контексте и требуют дополнительной интерпретации. Например: лексическое новообразование *begpecker* при переводе на русский язык имеет следующее значение: «западный турист, который пытается финансировать свои путешествия по бедным азиатским странам, попрошайничая на улицах». Рассмотрим следующие примеры с этим словом:

1. *New arrivals in Thailand are being asked to prove they have enough money to support themselves. And a policy in Bali means that anyone caught begpacking will now be taken to their embassy for a ticking off* (“McMillan Dictionary of English Language”). (Вновь прибывших в Таиланд просят доказать, что у них достаточно денег, чтобы содержать себя. А политика на Бали означает, что любой, кого поймают на попытке финансировать свои путешествия, попрошайничая на улицах, теперь будет доставлен в их посольство для проверки).

2. *I saw a begpacker asking for money to support their travel. I gave them my two cents and told them to stop scamming people and then called the cops* (“Urban Dictionary”). (Я видел, как бегпакер просил денег, чтобы поддерживать материально их путешествие. Я дал им два цента и сказал, чтобы они перестали обманывать людей, а затем вызвал полицию).

Данные примеры отражают отрицательные коннотации и наглядно демонстрируют негативное отношение к такому туризму и туристам в частности.

Важно отметить, что представители когнитивной науки чаще анализируют и изучают первичные процессы формирования новообразований, представляющие собой те факторы и мотивы, которые послужили толчком к лингвокреативной деятельности. Так, например, И. В. Заботкина в работе «К вопросу о когнитивной неологии» [1990] излагает свои размышления о том, какие факторы являются наиболее значимыми при создании нового слова – прагматические или когнитивные. Если мы обратимся к акту создания нового слова, то, приоритетными станут когнитивные аспекты. Для наименования нового явления или предмета необходима его выявление и определение его места в ментальных структурах человека. Далее следуют

процессы категоризации и субкатегоризации. Прагматические факторы подключаются на этапе поиска нового наименования. Важно понимать, что изучение процессов познания мира невозможно рассматривать только в контексте когнитивных и прагматических факторов. Чем более комплексным будет исследование лексического новообразования, тем более верным оно окажется.

Ю. В. Петрович, размышляя о когнитивных аспектах образования неологизмов, опирается на теорию концептуальной интеграции. Под концептуальной интеграцией автор понимает «мгновенный процесс творческого соединения информативных элементов в системе ментальных пространств» [Петрович, 2013]. Концептуальная интеграция происходит в процессе построения значения. Неологизм, с когнитивной точки зрения, является производной единицей, которая обладает особым типом значения – интегративным (термин Е. С. Кубряковой). Интегративное значение неологизма не может быть сведено к значению его составных частей и предполагает интеграцию интенций к созданию нового слова и экстралингвистических факторов в единое целое. Ю. В. Петрович полагает, что в основу словообразовательных процессов составляют механизмы концептуальной интеграции и, следовательно, неологизм понимается как сложное образование, конструируемое из различных типов ментальных пространств [Петрович, 2013].

Е. Л. Боярская в русле когнитивной парадигмы рассматривает неологизмы, появившиеся в результате развития новых значений полисемантических существительных. Новое слово описывается в ходе проведения анализа когнитивных механизмов образования нового значения полисемантических слов. Неологизм (новое значение) понимается как результат выполнения определенных концептуальных операций, где многозначное слово предстает как сложно структурированный макрофрейм с различными типами подфреймов, который благодаря процедуре наследования (признаки исходного концепта наследуются производными значениями) развивает один из своих «слов», благодаря чему и формируется новое значение [Боярская, 2013].

В исследованиях Л. В. Черепановой [2001] и Л. Ю. Касьяновой [2012], посвященных когнитивно-дискурсивному исследованию процессов неологизации, неологизм рассматривается в тесной связи с дискурсом, как особая социальная данность, которая находится в прямой зависимости от социокультурной ситуации. Неологизация представляется как комплексный когнитивно-дискурсивный процесс, в ходе которого происходит обновление лексической системы языка в соответствии с ценностными ориентирами народа, языковой картины мира, духовно-практической деятельностью человека, что носит динамический характер. Неологизм представляет собой своеобразный «продукт» когнитивно-дискурсивного освоения действительности.

Заключение

С точки зрения современной когнитивистики неологизмы являются не столько лексическими единицами, сколько концептами, содержание которых включает как ментальную лексему, то есть знание о плане выражения и значении неологизма, так и широкий спектр ментальных репрезентаций, включающих в себя образный, понятийный, эмоционально-оценочный компоненты. Неологизм как лексема является лишь вербальным отражением концепта, формируемого в сознании обучаемого. По этой причине исследователи все чаще говорят о необходимости формирования когнитивной компетенции, которая является предусловием для формирования языковой и других составляющих коммуникативной компетенции. Соответственно с точки зрения когнитивного подхода формирование лексической компетенции подразумевает формирование концепта в сознании, соотносящего с лексической единицей в языке.

Таким образом, специфика процесса неологизации предопределяет его изучение как одного из важнейших когнитивных процессов, позволяющих человеку легко ориентироваться в динамично меняющемся мире и, как следствие, языке. Неологизм может быть исследован с помощью фреймового анализа, когнитивного моделирования, когнитивно-дискурсивного анализа, когнитивной интерпретации лексикографических данных и др. Анализ работ, посвященных рассмотрению неологизмов в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, показал проблему изучения лексических новообразований изученной не в полной мере, и требующей новых подходов к изучению рассматриваемого явления.

Список литературы

Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учебное пособие / И. В. Арнольд. – Москва : Флинта : Наука, 2012. – 374 с. – Текст : непосредственный.

Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учебник для факультета иностранных языков / И. В. Арнольд. – Москва : Высшая школа, 1986. – 295 с. – Текст : непосредственный.

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – Текст : непосредственный.

Болдырев, Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе / Н. Н. Болдырев. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 5-13.

Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. – Санкт-Петербург : Научное издание, 2020. – 464 с. – Текст : непосредственный.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология : на материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – Москва : Международные отношения, 1977. – 264 с. – Текст : непосредственный.

Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – Москва : Высшая школа, 1990. – 124 с.

Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с. – Текст : непосредственный.

Котелова, Н. З. Избранные работы / Н. З. Котелова. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – 186 с. – Текст : непосредственный.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 556 с. – Текст : непосредственный.

Марченко, Е. И. Когнитивные подходы к исследованию неологизмов / Е. И. Марченко. – Текст : непосредственный // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. – 2013. – № 9. – С. 148-151.

Намитокова, Р. Ю. Авторские неологизмы : словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитокова. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 1986. – 156 с. – Текст : непосредственный.

Пименова, М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова. – Текст : непосредственный // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – С. 127-131.

Попова, Т. В. Русская неология и неография / Т. В. Попова. – Москва : Флинта, 2005. – 96 с. – Текст : непосредственный.

Сонголова Ж. Г. Когнитивная сущность неологизмов современного английского языка (на материале онлайн-словарей) / Ж. Г. Сонголова, Е. В. Солодкова. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2023. – № 5. – С. 200-209.

Тогоева, С. И. Психолингвистические проблемы неологии / С. И. Тогоева. – Тверь : Тверской государственный университет, – 2000. – 156 с. – Текст : непосредственный.

Шалина, Л. В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике / Л. В. Шалина. – Текст : непосредственный // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2007. – № 8. – С. 73–77.

Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 241 p. – Текст : непосредственный.

Получена: 14.01.2025

Принята: 21.02.2025

ENGLISH NEOLOGISMS IN THE TERMS OF COGNITIVE ANALYSIS

S. O. Kovaleva

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
sovshkakovaleva@yandex.ru

Abstract. The article examines new lexical units in the field of IT technologies. The material for the study was neologisms of the English language, which were collected by continuous sampling from authentic dictionaries (Dictionary of Neologisms, Urban Dictionary, The Rise University Neologisms Database) for the period from 2008 to 2024. The following research methods are used in the work: continuous sampling method, conceptual analysis method, cognitive modeling method, descriptive method. As the analysis showed, neologisms are not so much lexical units as concepts containing both a mental lexeme, that is, knowledge of the expression plan and meaning of the neologism, and a wide range of mental representations, including figurative, conceptual, emotional and evaluative components. The process of neologization is a complex cognitive-discursive process, during which the lexical system of the language is updated in accordance with the value orientations of the people, the linguistic picture of the world, the spiritual and practical activity of man, which is dynamic in nature.

Key words: neologism, neologization, new lexical units, cognitive approach, concept, discourse.

References

Arnold, I. V. (1986). [Lexicology of Modern English: a textbook for the faculty of foreign languages]. Moscow: Vysshaya shkola.

Arnold, I. V. (2012). [Lexicology of Modern English]. Moscow: Flinta: Nauka.

Arutyunova, N. D. (1999). [Language and the World of Man]. Moscow: Languages of Russian Culture.

Boldyrev, N. N. (2013). [Actual tasks of cognitive linguistics at the present stage]. *Issues of cognitive linguistics*, 1, 5–13.

Budayev, E. V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative Political Metaphorology]. Saint Petersburg: Naukoemkie tekhnologii.

Gak V. G. (1977). [Comparative Lexicology: Based on the French and Russian Languages]. Moscow: International Relations.

Karasik, V. I. (2004). [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow: Gnosis.

Kotelova, N. Z. (2015). [Selected Works]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

Kubryakova, E. S. (2004). [Language and knowledge: on the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow: Languages of Slavic Culture.

Marchenko, E. I. (2013). [Cognitive approaches to the study of neologisms]. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, 9, 148–151.

Namitokova, R. Yu. (1986). [Author's neologisms: word-formation aspect]. Rostov-on-Don : Rostov University Publishing House.

Pimenova, M. V. (2013). [Types of concepts and stages of conceptual research]. *Bulletin of KemSU*, 2(54), 127–131.

Popova, T. V. (2005). [Russian neology and neography]. Moscow: Flinta.

Shalina, L. V. (2007). [On the essence of neologism in modern linguistics]. *Bulletin of Penza State Pedagogical University*, 8, 73–77.

Songolova, Zh. G. & Solodkova, E. V. (2023). [Cognitive essence of neologisms of the modern English language (based on online dictionaries)]. *Bulletin of Cherepovets State University*, 5, 200–209.

Togoeva, S. I. (2000). Psycholinguistic problems of neology. Tver: Tver State University.

Zabotkina, V. I. (1990). [New Lexicon of Modern English]. Moscow: Higher School.

Submitted: 14.01.2025

Accepted: 21.02.2025

УДК 81'373.612.2

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ США В КИТАЙСКИХ СМИ

Люй Бинсюй

Уральский государственный педагогический университет

Екатеринбург, Россия

1121988908@qq.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности метафорической концептуализации США в СМИ Китая. Настоящее исследование основывается на теории метафорического моделирования, активно разрабатываемой в когнитивной и политической лингвистике. Материалом для настоящей работы послужили метафоры из современных СМИ Китая («Гуанчжоу жибао», «Жэньминь жибао», ИА «Синьхуа» и др.). Как показало исследование, в СМИ Китая функционируют 10 метафорических моделей, востребованных для концептуализации США. Все метафорические модели приносят негативные коннотации и реализуют небольшое количество схожих прагматических смыслов. Морбильные образы естественного хода событий, внутривнутриполитического неблагополучия США. Строительные метафоры призваны отразить нежелание США выстраивать равноправное сотрудничество, как на внешнеполитической арене, так и в сфере межрасовых отношений внутри страны. Смыслы агрессивной внешней политики приносят метафоры одежды, животных и криминала. Метафоры еды направлены на формирование смысла непродуманности политики Соединенных Штатов. Органистические и театральные метафоры акцентируют внимание на лицемерной сущности внешней политики США, декларативно преследующей идеи прав и свобод, но на деле сводящейся к удержанию неокOLONIALной гегемонии, ослабевающей в условиях становления многополярного мира. Часть метафор носят универсальный характер, в то время как некоторые метафоры обладают национальной спецификой (*недоверенный рис, шляпа давления, лжедаос* и др.). Таким образом, метафорическая картина США в СМИ Китая складывается из когнитивных, культурных, социально-экономических и политических факторов.

Ключевые слова: когнитивная метафора; концептуальная метафора; политический дискурс; образ США; СМИ Китая.

1. Введение

Изучение метафорических образов стран в медиадискурсе относится к актуальным проблемам современной лингвистики. Еще основатель теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф [Lakoff, 2012] показал, что во время кризиса в Персидском заливе в американской прессе использовалась криминальная метафора, согласно которой Ирак-бандит совершает преступления по отношению к Кувейту-потерпевшему, на помощь которому должен поспешить США-полицейский. В арабской прессе рисовалась иная картина – братья Ирак и Кувейт ссорятся, но постороннему США не следует вмешиваться во внутрисемейные дела.

Комплексное исследование метафорического образа России в отечественных СМИ рубежа XX–XXI веков провел А. П. Чудинов [2001]. Как показал анализ, наряду с традиционными метафорическими моделями (Театр, Организм, Дом, Артефакты, Игра, Спорт) в прессе актуализировались сферы-источники, привносящие крайне пейоративные прагматические смыслы в образ страны (Болезнь, Война, Криминал и др.).

В исследовании Э. В. Будаева [2011] был проведен сопоставительный анализ метафорических образов, актуализированных в британской прессе при описании политической действительности на постсоветском пространстве в СМИ России и Великобритании. Было показано, что при наличии общих черт в метафорической картине мира существуют расхождения в когнитивных и дискурсивных особенностях актуализации метафорических моделей, задействованных при концептуализации России, Украины, Грузии, стран Балтии.

Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ были проанализированы в диссертации Е. Л. Орловой [2012], в которой показано, как когнитивные оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ реализуются в метафорических моделях немецких СМИ.

В статье Б. С. Котова [2014] на основе контент-анализа газет российских газет 1912–1914 гг. рассмотрены особенности метафорического моделирования образов Германии и Австро-Венгрии. Как выяснилось, образ Германии создавался средствами военной метафорической модели, отражающей милитарную политику Гогенцоллернов, а Австро-Венгрия описывалась с помощью театральных и игровых метафор, подчеркивающих неискренность и лицемерность австро-венгерской дипломатии.

В условиях современного глобального противостояния вопрос метафорического осмысления США в СМИ Китая является актуальной задачей, которая решается в настоящей статье.

2. Методология исследования и материал

Настоящее исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики, в центре внимания которой «находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент системы знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации. Эта система, в противоположность другим семиотическим инструментам человека, одновременно является объектом, и внешним и внутренним для субъекта, конституированным независимо от него и подлежащим усвоению в онтогенезе» [Краткий словарь, 1996, с. 496]. Также исследование основывается на теории метафорического моделирования, активно разрабатываемой в когнитивной и политической лингвистике [Lakoff, Johnson, 1980; Баранов, 2014; Будаев, Чудинов, 2006; Скребцова, 2011; Солопова, Чудинов, 2021]. Согласно когнитивной теории, метафора не только отражает концептуальную картину мира, но и позволяет авторам текстов

трансформировать эту картину, что обуславливает прагматическую функцию метафоры [Чудинов, Будаев, 2006].

Важным постулатом для настоящего исследования когнитивно-дискурсивный подход, т.е. исследование политической метафоры «в тесной взаимосвязи с национальными, историческими, личностными, институциональными и иными факторами» [Будаев, 2020, с. 129]. Таким образом, смысл метафор обусловлен не только культурно-когнитивными факторами, но и текущими политическими событиями.

Материалом для настоящей работы послужили метафоры из современных СМИ Китая («Гуанчжоу жибао», «Жэньминь жибао», «Хуаньцю Шибао», ИА «Синьхуа» и др.).

4. Сферы-источники метафорической экспансии

В ходе исследования было выявлено 10 сфер-источников, которые оказались востребованы для создания образа США в СМИ Китая.

4.1. Сфера-источник «Болезнь»

Данная сфера-источник используется для описания социальных проблем в США, описываемых как заболевания. При этом используются как номинации, связанные с инфекционными, так и с психическими заболеваниями. Ср.:

美国“种族歧视病毒”泛滥 亚裔成为疫情替罪羊根源何在？央视新闻客户端¹。

В Соединенных Штатах свирепствует «вирус расовой дискриминации». В чем основная причина того, что азиаты становятся козлами отпущения в этой эпидемии?

胡锡进：美国的政治功能陷入老年痴呆状态 环球网微博²。

Ху Сицзинь: Политическая функция США впала в состояние болезни Альцгеймера.

Власти США регулярно обвиняют Китай в проблемах с наркоторговлей в США. В СМИ Китая эта ситуация описывается как абсурдные попытки лечения организма за пределами больного организма. Ср.:

漫评美国就芬太尼问题甩锅中国：“内病外治”³。

США перекадывают ответственность за проблему фентанила на Китай: ‘Лечение внутренних болезней путём внешней терапии’.

美方将其国内芬太尼泛滥甩锅给中国毫无道理。事实上，这完全是由于美政府药物监管不力，放任民众形成药物滥用习惯造成的。相比于甩锅

¹ 编号 | 贾犁 许娜. 03.05.2021. <https://hqtime.huanqiu.com/share/>

² <https://www.peopleapp.com/rmharticle>. 08.07.2020.

³ 人民网陈籽. 08.09.2023

推责，美方要做的是加强国内处方药管控，纠正目前的错误做法，而不是“内病外治”⁴。

США не имеет смысла обвинять Китай в разгуле эпидемии фентанила в своей стране. На самом деле это происходит исключительно из-за неспособности правительства США эффективно регулировать оборот наркотиков и из-за того, что оно позволяет людям приобретать привычки к употреблению наркотиков. Вместо того чтобы переключать вину, США следует усилить внутренний контроль за рецептурными препаратами и исправить свою нынешнюю неправильную практику, а не «лечить внутренние болезни внешними средствами».

Особенностью метафор этой сферы является акцент на неизлечимости поразивших США болезней. Ср.:

美国枪支暴力：“无法愈合的创伤”⁵。

Насилие с применением огнестрельного оружия в США: «неизлечимая рана».

Также в СМИ Китая формируется образ заразного больного, который представляет опасность для всего мира. Ср.:

美国枪支暴力问题已不仅是美国内久治不愈的“流行病”，还不断蔓延，成了祸乱周边国家的“传染病”⁶。

Проблема насилия с применением огнестрельного оружия в Соединенных Штатах — это не просто «эпидемия», которую трудно вылечить в Соединенных Штатах, она распространяется и стала «инфекционной болезнью», поражающей соседние страны.

4.2. Сфера-источник «Строительство»

Данная сфера используется для описания социального недопонимания. Расовые проблемы осмысляются в СМИ как стена, в которую власти США регулярно докладывают кирпичи. Ср.:

人身伤害、语言攻击、财产破坏……美国种族歧视“耻辱墙”一直被“添砖加瓦”⁷。

Телесные повреждения, словесные оскорбления, материальный ущерб... «Стена позора» расовой дискриминации в Соединенных Штатах была «достроена».

曾为美国新冠逝者“立墙”的《纽约时报》，在4月3日又建起另一堵“墙”。这一回，是为遭遇歧视与袭击的亚裔美国人⁸。

⁴ <https://hqtime.huanqiu.com/share/article/4ESMhbhBTcZ>

⁵ 人民网-国际频道. 28.04.2023. <https://hqtime.huanqiu.com/share/article/4CgAtVmjyIn>

⁶ 海外网21.07.2023. <http://opinion.haiwainet.cn/n/2023/0721/c353596-32523234.html>

⁷ 央视新闻客户端. 07.04.2021.

⁸ 监制 | 唐怡. 07.04.2021. <https://hqtime.huanqiu.com/share/article/>

Газета New York Times, которая когда-то «воздвигла стену» для тех, кто умер от Covid-19 в США, 3 апреля построила еще одну «стену». На этот раз речь идет об американцах азиатского происхождения, которые сталкиваются с дискриминацией и нападениями.

Также метафора строительства стен используется для описания разнообразных ограничений, которые США вводят против экономических конкурентов. Ср.:

在高端芯片领域，美国采用所谓的“小院高墙”策略，试图限制中国芯片制造业的发展，打压中国科技进步，是典型的霸凌行径⁹。

В сфере производства микросхем высокого класса Соединенные Штаты приняли так называемую стратегию «маленький двор, высокая стена», чтобы попытаться ограничить развитие китайской индустрии производства микросхем и подавить технологический прогресс Китая. Это типичный акт издевательства.

海外网评：美国不再搞“两面派”，中美经贸才能真正稳下来 美国并非不看重中美经贸关系，而是意图将中美经贸关系纳入其所谓的“小院高墙”模式中，以满足美国自身利益¹⁰。

Оценка зарубежных сетей: Если США перестанут заниматься "двулицем", то торгово-экономические отношения между Китаем и США действительно могут стабилизироваться. США не то чтобы не ценят торгово-экономические отношения с Китаем, а скорее стремятся втиснуть их в так называемую модель «малого двора с высокими стенами», чтобы удовлетворить свои собственные интересы.

4.3. Сфера-источник «Одежда»

В китайских СМИ определённая политика описывается как ношение шляпы. В следующем контексте политика экономического давления описывается как ношение соответствующей шляпы. Ср.:

“经济胁迫”这顶帽子，戴在美国头上最合适不过。美国政府大搞经济胁迫、滥用“长臂管辖”的“黑历史”数不胜数¹¹。

«Шляпа экономического давления» наиболее подходит именно для США.

4.4. Сфера-источник «Война»

Политика США описывается в СМИ Китая как агрессивные действия, направленные против мирового сообщества, в котором власти США используют различные виды оружия и военных действий. Ср.:

美国格信律师事务所发布的统计数据显示，特朗普政府2017年以来对他国实施的制裁措施超过3900项，相当于每天挥舞3次“制裁大棒”¹²。

⁹中国新闻网 22.10.2023. <http://m.toutiao.com/article/>

¹⁰海外网06.09.2023 聂舒翼. <https://hqtime.huanqiu.com/share/article/4EQUxEn21dJ>

¹¹人民网-国际频道陈籽. 11.08.2023

Статистика, опубликованная американской юридической фирмой Grissons, показывает, что с 2017 года администрация Трампа ввела более 3900 санкций в отношении других стран, что эквивалентно размахиванию «дубинкой санкций» три раза в день.

“驰名”人权双标·粗暴践踏人权 美国才是国际规则的破坏者\江乐士¹³

Соединенные Штаты — это «знаменитые» двойные стандарты в отношении прав человека и грубое попрание прав. Это разрушитель международных правил. США — разрушитель международных правил.

美国经常为了自己的利益而随意破坏国际规则、背弃国际协议和漠视国际法规，早已失信于人。如今美国动辄批评中国破坏“基于规则的国际秩序”，根本就是彻头彻尾的双重标准¹⁴。

Соединенные Штаты часто нарушают международные правила, отказываются от международных соглашений и игнорируют международные правила по своему желанию в своих собственных интересах. Они уже давно подорвали доверие. Сегодня Соединенные Штаты часто критикуют Китай за подрыв «международного порядка, основанного на правилах», который представляет собой полный двойной стандарт.

4.5. Сфера-источник «Криминал»

Данная сфера-источник используется для описания политики США, как действий криминального характера. Ср.:

中方奉劝美方停止“喊喊捉贼”等种种不负责任的言行，停止在全球范围内搞网络攻击，停止利用网络安全问题污蔑抹黑中国¹⁵。

Китай советует США прекратить свои безответственные слова и поступки, такие как «вор, кричащий “держи вора”», прекратить проводить кибератаки по всему миру и прекратить использовать проблемы кибербезопасности для клеветы и дискредитации Китая.

中国驻加拿大使馆要求美国、加拿大政府立即恢复华为CFO孟晚舟(任正非女儿)的人身自由。作为一家中国媒体的总编辑，我要说，美国在市场上打不垮华为，请不要采取卑鄙的流氓手段¹⁶。

Посольство Китая в Канаде требует, чтобы правительства США и Канады немедленно восстановили личную свободу генерального директора Huawei Мэн Ваньчжоу (дочери Жэнь Чжэнфэй). Как главный редактор китайского СМИ я хотел бы сказать: если США не смогут победить

¹²新华社北京4月16日电. <https://www.takungpao.com/opinion/233119/>

¹³大公报. 29.04.2023.

¹⁴ <https://www.takungpao.com/opinion/>

¹⁵ <https://www.peopleapp.com/column/30047145901>

¹⁶胡锡进 环球网06.12.2018.<http://m.toutiao.com/article>

Huawei на рынке, пожалуйста, не используйте подлые хулиганские методы.

中方要求美方停止无端指责抹黑中方的追逃追赃努力，切实履行国际义务和承诺，不要再贪图嫌犯的“黑钱”，不要成为嫌犯和非法资产的“避罪天堂”¹⁷。

Китай требует, чтобы Соединенные Штаты прекратили выдвигать беспочвенные обвинения и порочить усилия Китая по преследованию беглецов и возвращению незаконно приобретенных активов, добросовестно выполняли свои международные обязательства, прекратили желать «черных денег» подозреваемых и перестали становиться «убежищем» для подозреваемых и незаконных активов.

Метафоры данной сферы направлены на формирование образа преступника, который пытается маскировать свои замыслы красивой риторикой. Ср.:

美国“航行自由”实为“横行自由”¹⁸。

Американская "свобода навигации" на самом деле является "свободой хулиганства".

Криминальная метафора сочетается с образами темного будущего, которое ожидает самого «преступника». Ср.:

企图给中国高科技产业发展“设绊子”“卡脖子”，最后绊倒的很有可能是美国自己。美国“设绊子”，最后绊倒的是美国自己¹⁹。

США пытаются набросить "петлю" на развитие высокотехнологичной промышленности Китая может привести к тому, что в конце концов "петля" окажется на самих США.

4.6. Сфера-источник «Еда»

Противоречивая внешняя политика США описывается в СМИ Китая как неготовая к употреблению пища. Ср.:

越来越多的事实表明，在美国中东政策已成“夹生饭”的情况下，美国一方面在加快撤离中东，一方面又在局部和短期内增加战略投入，由此使美国的中东政策呈现出“波浪式回退”的特征——这恰恰反映出美国霸权主义政策的失败，以及美国决策者对霸权衰落的不甘²⁰。

Все больше фактов свидетельствует о том, что политика США на Ближнем Востоке превратилась в «недоваренный рис». С одной стороны, США ускоряют уход с Ближнего Востока, а с другой — наращивают его. Стратегические инвестиции на местном уровне и в краткосрочной перспективе. Это привело к тому, что политика Соединенных Штатов на Ближнем Востоке оказалась в беспорядке. Она имеет характеристики

¹⁷中央纪委国家监委网站 黄鹏飞. 06.11.2020. <https://www.peopleapp.com/column/>

¹⁸中国新闻网. 10.06.2023 <https://hqtime.huanqiu.com/share/article/4DFpmm6UNDW>

¹⁹海外网25.07.2023.文/何所忆 <http://opinion.haiwainet.cn/n/2023/0725/c353596-32527844.html>

²⁰光明日报. 06.08.2021. 作者：张艳萍. <https://app2.gmdaily.cn/as/opened>

«волнообразного отступления» – это точно отражает провал гегемонистской политики США и их нежелание признать упадок гегемонии.

Для актуализации прагматического смысла лицемерной внешней политики США, направленной на удержание гегемонии, используются метафоры переливания старого вина в новые бутылки или замену супа.

近来, 美西方一些政客频频将“去风险化”这一新说辞挂在嘴边。实际上, 所谓的“去风险化”只是为“脱钩”穿上的“新衣”, 是新瓶装旧酒、换汤不换药的把戏。漫评美国“去风险化”之一: “旧衣新穿”²¹。

В последнее время некоторые политики в США и на Западе часто упоминают новую риторику «снижения рисков». На самом деле, так называемое «снижение риска» — это всего лишь «новая оболочка» для «разъединения», трюк, когда старое вино заливают в новые бутылки и меняют суп, но не лекарство.

4.7. Сфера-источник «Животные»

Конкретные зооморфные метафоры часто тесно связаны с образами определенных стран. Так, Россия обычно концептуализируется как медведь, Великобритания как лев, Индия как слон и т.д. В китайских СМИ типичный образ для описания США – орел. Ср.:

香港媒谈中美: 鹰终将意识到被骗决心与敌死战²²。

СМИ Гонконга говорят о Китае и США: орел в конце концов поймет, что его обманули, и полон решимости сразиться с врагом насмерть.

胡锡进发文: 美国众议院换了鹰首, 中国也应有几只对付美国的鹰 这对美国更加尊重我们有益处²³。

Ху Сицзинь написал: Палата представителей США изменила голову орла. Китаю также следует иметь несколько орлов для взаимодействия с Соединенными Штатами. Это поможет Соединенным Штатам больше уважать нас.

Для самоконцептуализации используется метафора дракона, противопоставленного орлу. Ср.:

鹰与龙美国和中国迥然不同²⁴。

Орел и дракон, Америка и Китай разительно отличаются.

В медиадискурсе часто актуализируется сценарий, согласно которому США – опасное животное, которое может уничтожить среду обитания всех животных. Ср.:

《纽约时报》最近一篇题为《通过动物王国了解中东》的文章将美国比作狮子, 要做“中东丛林之王”, 将伊朗比作“寄生蜂”, 将叙利亚、伊拉克等国比作“毛毛虫”, 鼓吹为了“杀死寄生蜂”, 美国需要“烧毁整片丛林”²⁵。

²¹ 人民网陈籽. 14.07.2023. <https://hqtime.huanqiu.com/share/article/4DhsIaTyuqi>

²² 环球时报. 26. 06.2012. <https://m.huanqiu.com/article/>

²³ 光明日报 胡锡进观察. 08.01.2023. <https://app2.gmdaily.cn/as/opened>

²⁴ 环球时报. 26. 06. 2012. <https://m.huanqiu.com/article/>

В недавней статье в *New York Times* под названием «Понимание Ближнего Востока через царство животных» Соединенные Штаты сравниваются со львом и утверждается, что они хотят быть «королем ближневосточных джунглей», Иран — с «паразитической осой», а Сирию, Ирак и другие страны — с «гусеницами», и утверждается, что для того, чтобы «убить паразитическую осу», Соединенным Штатам необходимо «сжечь все джунгли».

Еще один образ для описания США – волк. В следующем контексте речь идет о стиле дипломатии, для которой характерно переключать свою вину на окружающих. Такая дипломатия получила название «волчьей дипломатии». Ср.:

胡锡进：美国“战狼大使”伯恩斯坦先生，我们在北京等着你，中国有个成语叫“贼喊捉贼”，美国的“战狼外交”为这个成语做了经典得不能再经典的诠释²⁶。

Американский 'посол-воин' Бернс, мы ждём тебя в Пекине. В Китае есть выражение 'вор кричит, ловите вора', и американская 'волчья дипломатия' является классическим примером этого выражения."

Для описания узости мышления и восприятия Китая используется метафора лягушки в колодце. Так как со дна колодца виден только небольшой участок неба, подобная перспектива не позволяет делать адекватных выводов об окружающем мире. Ср.:

作为唯一一位参会的国家元首，东帝汶总统奥尔塔更批评一些国家以“井蛙之见”看待中国崛起，并认为“中国是区域和全球威胁”的观点毫无说服力²⁷。

В качестве единственного государственного лидера, присутствующего на встрече, президент Восточного Тимора Ольта также раскритиковал некоторые страны за то, что они смотрят на рост Китая через "заблуждения лягушки в колодце", и заявил, что мнение о том, что "Китай является угрозой для региона и мира", совершенно необоснованно.

4.8. Сфера-источник «Зрелищные представления»

Театральная метафора используется в китайских СМИ для привнесения прагматического смысла лицемерия. Согласно выстраиваемой метафорической картине мира, США играют роли благородных героев, но всякий раз эта роль им не удается, и маска слетает с лица. Ср.:

美国假扮“和平缔造者”的人设宣告破产²⁸。

Образ США-миротворца потерпел крах.

²⁵高文成. 光明日报. 08.02.2024. <https://app2.gmdaily.cn/as/opened>

²⁶ 22.10.2021. <https://www.peopleapp.com/rmharticle/>

²⁷ 06.06.2023 <https://hqtme.huanqiu.com/share/article/4DCF1jQDf2>

²⁸ 中国网2023-06-06 1华章

美方的这番言辞，俨然是以亚太地区的“安全主导者”自居，在抹黑中国的同时，还把自己塑造成了亚太地区的“和平缔造者”。一句话切中了美方寻衅滋事的真相，也撕下了美国“和平缔造者”的伪装²⁹。

Заявления американской стороны явно показывают, что она считает себя "главным гарантом безопасности" в Азиатско-Тихоокеанском регионе, одновременно очерняя Китай и выставляя себя "хранителем мира" в этом регионе. Эта фраза точно подметила суть действий США, раскрывая их намерение провоцировать конфликты, и сняла маску "создателя мира" с США.

实际上，美国长期对全世界进行窃听、监控，自己才是不折不扣的“监听大国”。美国不愧为世界“驰名双标”³⁰。

На самом деле, США давно ведут прослушивание и слежку за всем миром, и именно они являются настоящими "страной прослушивания". США по праву заслужили репутацию мировой "звезды двойных стандартов".

4.9. Сфера-источник «Организм»

Доминирующей метафорой данной сферы является метафора длинной руки. Так как США имеют большое влияние в международных организациях, они регулярно оказывают на них воздействие для достижения геополитических целей, нередко используя «двойные стандарты». Это влияние метафорически осмысливается как длинная рука, способная далеко дотянуться для проведения манипуляций. Ср.:

美国在“长臂管辖”，利用兴奋剂攻击他国运动员的同时，却对本国运动员极其“双标”。路透社此前报道，美国反兴奋剂机构多年来允许服用兴奋剂的运动员不接受惩罚还能继续参赛，并且充当“线人”。美方这种“宽于律己，严以待人”的做法，让国际社会充分见识到了其“双标”的真面目³¹。

Соединённые Штаты, применяя "длинную руку юрисдикции" и используя допинг для атаки на спортсменов других стран, одновременно проявляют явное "двойное стандарты" в отношении собственных спортсменов. Как ранее сообщило агентство Reuters, Американское антидопинговое агентство на протяжении многих лет позволяло спортсменам, использующим допинг, не подвергаться наказанию и продолжать участвовать в соревнованиях, а также играло роль "осведомителя". Такое поведение США, которое сочетает в себе "щедкость по отношению к себе и строгие меры по отношению к другим", продемонстрировало международному сообществу истинное лицо их двойных стандартов.

²⁹ 06.06.2023 <https://hqtime.huanqiu.com/share/article/4DCFjQDdf2>

³⁰ 人民网叶. 19.05.2023. <https://hqtime.huanqiu.com/share/article/4CxPoN71JGs>

³¹ <https://news.sina.cn/2024-09-10/detail-incnrssu9352506.d.html>

事实上，谁肆意发动制裁、谁大搞长臂管辖、谁是“胁迫外交”的“集大成者”，国际社会看得清清楚楚。美国炒作“中国经济胁迫”：“贴标签”³²。

Фактически, кто безудержно вводит санкции, кто активно использует длинные руки юрисдикции, кто является мастером "дипломатии угроз" — международное сообщество видит всё это ясно. США раздувают тему "экономического принуждения Китая": наклеивание ярлыков.

Метафоры организма также используются для реализации элементов смеховой культуры. Неумелые действия в политике и экономике описываются как создание препятствий для передвижения на ногах. Ср.:

漫评美国《通膨削减法案》：“绊你一脚”³³。

Карикатура на американский Закон о снижении инфляции: «Поставить тебе подножку».

4.10. Сфера-источник «Даосизм»

Даосизм – традиционное китайское учение, сочетающее в себе религиозные и философские составляющие. Соответственно даос (кит. 道士) может означать отшельника, учителя, настоятеля храма, монаха. В следующем контексте метафора даоса актуализирует смысл учителя, толпто применительно к США используется понятие псевдодаоса, лжеучителя, который лицемерно проповедует ложные идеи. Ср.:

美国政客打着“保护人权”的旗号，放纵戕害人权的暴行，以满足自己的金钱和政治私利，这便是美国枪支问题背后所谓的“美式人权”真相。更可笑的是，这些“伪道士”还偏偏惯于以“人权”之名对别国正常的经济活动、产业政策大加挾伐，甚至罗织罪名随意制裁。可见，在他们口中，所谓“人权”早已异化成了**套利工具、霸凌工具**，而与民众的权利无关³⁴。

Американские политики, под флагом "защиты прав человека", по-прежнему творят насилие, нарушающему права человека, ради собственной финансовой и политической выгоды — вот истинная суть так называемых "американских прав человека", скрывающихся за проблемой с оружием в США. Более того, эти "лжедаосы" привыкли вешать ярлыки и осуждать нормальную экономическую деятельность и промышленную политику других стран под прикрытием "прав человека", а порой даже выдумывают обвинения и накладывают санкции. Очевидно, что для них "права человека" давно превратились в инструмент наживы и притеснения, а не в защиту прав граждан.

5. Заключение

Как показало исследование, в СМИ Китая функционируют 10 метафорических моделей, востребованных для концептуализации США. Все метафорические модели приносят негативные коннотации и реализуют не-

³² 人民网-国际频. 04.08.2023. <https://hqtime.huanqiu.com/share/article/4DzKVcGbQAn>

³³ 人民网陈籽. 14.12.2023. <https://hqtime.huanqiu.com/share/>

³⁴ <http://www.china.com.cn/opinion>

большое количество схожих прагматических смыслов. Морбиальные образы физических и психических болезней используются для привнесения смысла нарушения естественного хода событий, внутривнутриполитического неблагоприятия США. Строительные метафоры призваны отразить нежелание США выстраивать равноправное сотрудничество, как на внешнеполитической арене, так и в сфере межрасовых отношений внутри страны. Смыслы агрессивной внешней политики привносят метафоры одежды, животных и криминала. Метафоры еды направлены на формирование смысла непродуманности политики Соединенных Штатов. Органистические и театральные метафоры акцентируют смыслы лицемерия внешней политики США, декларативно преследующей идеи прав и свобод, но на деле сводящейся к удержанию неокOLONиальной гегемонии, ослабевающей в условиях становления многополярного мира. Часть метафор носят универсальный характер, в то время как некоторые метафоры обладают национальной спецификой (недоваренный рис, шляпа давления, лжедаос и др.).

Таким образом, метафорическая картина США складывается из когнитивных, культурных, социально-экономических и политических факторов. В условиях геополитической напряженности эта метафорическая картина раскрывают глубинные культурные установки и восприятие глобальных угроз, отраженные в китайских СМИ.

Список литературы

Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с. – Текст : непосредственный.

Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. – Санкт-Петербург : Научное издание, 2020. – 464 с. – Текст : непосредственный.

Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Будаев Эдуард Владимирович ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2011. – 48 с. – Текст : непосредственный.

Будаев, Э. В. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 75–94.

Котов, Б. С. Метафора как средство создания "образа врага" в газетных текстах (на примере образов Австро-Венгрии и Германии в русской прессе кануна Первой мировой войны) / Б. С. Котов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2014. – № 1. – С. 94–110.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

Орлова, Е. Л. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ : специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Орлова Елена Леонидовна ; Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск, 2012. – 193 с. – Текст : непосредственный.

Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика / Т. Г. Скребцова. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с. – Текст : непосредственный

Солопова, О. А. Методология диахронического исследования политической метафоры в эпоху цифровизации: теоретическое обоснование / О. А. Солопова, А. П. Чудинов. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2021. – №. 2. – С. 49–59.

Чудинов, А. П. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2006. – № 45. – С. 167–175.

Lakoff, G. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 237 p. – Текст : непосредственный.

Lakoff, G. *Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf* / G. Lakoff // *Journal of Cognitive Semiotics*. – 2012. – Vol. 4(2). – P. 5–19.

Получена: 15.02.2025

Принята: 13.03.2025

METAPHORICAL IMAGE OF THE USA IN CHINESE MEDIA

Lyu Bingxu

Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russia
1121988908@qq.com

Abstract: The article deals with the features of metaphorical conceptualization of the USA in the Chinese media. This study is based on the theory of metaphorical modeling, which is actively developed in cognitive and political linguistics. The material for this work is metaphors from modern Chinese media (Guangzhou Ribao, Renmin Ribao, Xinhua News Agency, etc.). As the study showed, there are 10 metaphorical models in demand for conceptualizing the USA in the Chinese media. All metaphorical models bring negative connotations and implement a number of similar pragmatic meanings. Morbid images of physical and men-

tal illnesses are used to bring the meaning of disruption of the natural course of events, domestic political ill-being of the USA. Construction metaphors are intended to reflect the unwillingness of the USA to build equal cooperation, both in the foreign policy arena and in the sphere of interracial relations within the country. The meanings of aggressive foreign policy are brought in by metaphors of clothing, animals and crime. Food metaphors are aimed at creating a sense of the thoughtlessness of US policy. Organismic and theatrical metaphors focus attention on the hypocritical nature of US foreign policy, declaratively pursuing ideas of rights and freedoms, but in fact aimed at maintaining neocolonial hegemony, weakening in the conditions of the formation of a multipolar world. Some metaphors are universal in nature, while some metaphors have national specifics (undercooked rice, pressure hat, false Taoist, etc.). Thus, the metaphorical picture of the US in the Chinese media is made up of cognitive, cultural, socio-economic and political factors.

Keywords: cognitive metaphor; conceptual metaphor; political discourse; image of the USA; Chinese media.

References

Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptive theory of metaphor]. Moscow: Languages of Slavic Culture.

Budaev, E. V. & Chudinov, A. P. (2006). Stanovlenie i evolyuciya zarubezhnoj politicheskoj lingvistiki [Formation and evolution of foreign political linguistics]. *Politicheskaya lingvistika*, 20, 75–94.

Budaev, E. V. (2011). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative Political Metaphorology]. [Doctoral Dissertation abstract, Ural State Pedagogical University].

Budaev, E. V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative Political Metaphorology]. Saint Petersburg: Naukoemkie tekhnologii.

Chudinov, A. P. & Budaev, E. V. (2006). Diskursivnoe napravlenie v zarubezhnoj medialingvistike [Discursive direction in foreign medialinguistics]. *Bulletin of the Ural State University: Series 1: Problems of education, science and culture*, 45, 167–175.

Kotov, B. S. (2014). Metafora kak sredstvo sozdaniya "obraza vruga" v gazetnyh tekstah (na primere obrazov Avstro-Vengrii i Germanii v russkoj presse kanuna Pervoj mirovoj vojny) [Metaphor as a means of creating an "image of the enemy" in newspaper texts (on the example of the images of Austria-Hungary and Germany in the Russian press on the eve of the First World War)]. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political sciences*, 1, 94–110.

Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., & Luzina, L. G. (1996). *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Lakoff, G. (2012). Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. *Journal of Cognitive Semiotics*, 4(2), 5–19.

Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago : University of Chicago Press.

Orlova, E. L. (2012). *Metaforicheskie obrazy Rossii, Ameriki i Germanii v politicheskom diskurse nemeckih SMI* [Metaphorical images of Russia, America and Germany in the political discourse of German media]. [Candidate Dissertation, Irkutsk State Linguistic University].

Skrebtsova, T. G. (2011). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.

Solopova, O. A., & Chudinov, A. P. (2021). Metodologiya diakhronicheskogo issledovaniya politicheskoy metafory v epokhu tsifrovizatsii: teoreticheskoye obosnovaniye [Methodology of Diachronic Research on Political Metaphor in the Digital Age: Theoretical Foundations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9: Filologiya, (2), 49-59.

Submitted: 15.02.2025

Accepted: 13.03.2025

УДК 81'373.612.2

КОНЦЕПТ BRANDMAUER КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В СМИ ФРГ

К. В. Пологова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
xeniapologova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивно-дискурсивные особенности метафорического концепта BRANDMAUER как способа метафорического осмысления политической борьбы в СМИ ФРГ. Значительный прагматический потенциал данного метафорического концепта обусловлен его сильными эмотивными коннотациями и ассоциациями с защитой от катастрофы. Этот образ способствует поляризации политического пространства, разделяя его на «СВОИХ» и «ЧУЖИХ». Важную роль при апелляции к концепту играют исторические параллели с Веймарской республикой и нацизмом, что делает концепт значимым инструментом мобилизации электората. Метафора BRANDMAUER драматизирует политическую борьбу, представляя её как противостояние стихийному бедствию, что ведёт к дегуманизации оппонентов. Концепт актуализирует когнитивную оппозицию *человек – артефакт – стихия*, укоренённую в общественном сознании через исторические практики защиты от катастроф. Анализ использования концепта в СМИ после выборов в Бундестаг позволяет отметить снижение его актуальности. Данный фактор обусловлен изменениями в политическом ландшафте, «правым поворотом» в европейской политике и успехом AfD на выборах в Бундестаг.

Ключевые слова: концепт; концептуальная метафора; политический дискурс; выборы в Бундестаг; СМИ ФРГ; когнитивная оппозиция «СВОЙ–ЧУЖОЙ».

1. Введение

Роль когнитивной метафоры в области политической коммуникации привлекает внимание современных специалистов в области лингвистики [Бортников, 2021; Будаев, Чудинов, 2006; Дехнич, Середина, 2019; Золотайко, 2018; Нахимова, 2020; Кондратьева, Калашникова, 2021; Михневич, 2021; Солопова, Чудинов, 2021]. Особенный интерес к метафоре в политическом дискурсе вызван высокой ценностью концептуальной метафоры при понимании политических процессов. Концептуальная метафора отражает не только существующую картину мира, но и позволяет авторам политических текстов изменять, реконструировать и исказить эту картину, что демонстрирует ее значимый прагматический и манипулятивный потенциал [Чудинов, Будаев, 2006].

Классическая работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона *Metaphors We Live by*, посвящённая теории концептуальной метафоры, предлагает следующую

щую трактовку данного лингвоментального феномена: когнитивная метафора — это не только и не столько образное средство языка, сколько феномен мышления и культуры. Другими словами, «метафорично прежде всего мышление, а языковые метафоры являются не более чем внешней манифестацией этого феномена» [Скребцова, 2011, с. 34].

На современном этапе сложно представить исследования понятийной системы человека без анализа метафорических выражений. С точки зрения Лакоффа и Джонсона [Lakoff, Johnson, 1980], повторяемость образов при представлении явления действительности позволяет сделать вывод о наличии в сознании носителей языка соответствующей концептуальной метафоры. Таким образом, соотносённость метафорических выражений в языке с метафорическими концептами может быть использована для изучения природы метафорических концептов и для понимания метафорической природы человеческой деятельности.

Основными объектами когнитивного анализа в политической метафорологии являются концепты, фреймы и слоты, сценарии, концептуальные домены (понятийные сферы), метафорические модели. Исследования отраженной в языке картины мира способствовали формированию направления, которое посвящено анализу концептов. В отличие от понятий, концепты переживаются, а не только мыслятся. Концепт – «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь, 1996, с. 89–90]. В отличие от понятий, представленных в нашем сознании набором существенных признаков, концепты не только мыслятся, но и переживаются, в их структуру вносят свой вклад внутренняя форма слова, связанные с ним ассоциации, оценки [Скребцова, 2011, с. 31]. Концепты описывают действительность, но действительность особого рода — ментальную [Степанов 1997, с. 40–55].

Теория концептуальной метафоры представляет метафорическое моделирование как процесс взаимодействия двух структур знаний: сферы-источника и сферы-мишени. Сфера-источник, включающая в себя базовый источник знаний, опыт взаимодействия человека с окружающей средой, структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень.

Концепт — это ментальная единица, которую человек использует для понимания и интерпретации мира. Концепты могут быть как конкретными, так и абстрактными и формируются на основе опыта и восприятия. Концептуальная метафора — это когнитивный инструмент, который позволяет понимать абстрактные концепты через более конкретные и эмпирически изученные единицы. На примере абстрактного концепта ИДЕЯ Лакофф и Джонсон продемонстрировали в своей работе, как каждая концептуальная метафора накладывает на концепт ИДЕЯ целостную структуру и актуализирует его определенный аспект: метафора ИДЕИ – ЭТО ЛЮДИ приводит с собой связанные с ними сущности – РОДИТЕЛЕЙ и (возможно)

ПОТОМСТВО [Лакофф, Джонсон 1980, с. 6]. Концепты представляют собой обобщенные знания и опыт, в то время как концептуальные метафоры — это способ понимания одного концепта через другой.

Особенным интересом среди лингвистов пользуется анализ отдельных метафорических моделей и концептуальных метафор, конструирующих политическую действительность. Глубокое исследование данных метафорических образов составляет богатую базу для изучения таких явлений массового общественного сознания, как выборы, война, кризисы, протесты, политические лидеры и т.д. Согласно исследованиям, период общественно-политического кризиса характеризуется увеличением количества концептуальных метафор в политическом дискурсе [De Landtsheer, 2015], при этом частотность метафорических выражений увеличивается в предвыборный период, что доказывает значимую роль концептуальной метафоры в осмыслении проблемных ситуаций [Будаев, 2011].

Возникновение новых, яркоокрашенных образов, использующихся для объяснения абстрактных концептов, особенно актуально в период предвыборной кампании, времени вступления в новую политическую действительность, с новыми лидерами, мнениями и взглядами. Метафора «BRANDMAUER» (от Brand — «пожар», и Mauer — «стена»), возникшая в период парламентских выборов в Германии в 2025 году, приобрела значительную популярность среди авторов политических текстов с правыми и левыми политическими взглядами. В момент разделения политической действительности на своих и чужих оценки политических субъектов становятся более эмоциональными, а образы более манипулятивными. Именно поэтому актуальным является исследование ярких концептуальных метафор, которые позволяют углубить понимание политической коммуникации в кризисные периоды истории.

2. Парламентские выборы в Германии в 2025 году

Рассмотрим экстралингвистический контекст актуализации рассматриваемой метафоры. Федеративная Республика Германия является парламентской республикой. Федеральный законодательный орган в Германии — бундестаг, представляющий собой однопалатный парламент. Бундестаг состоит из 598 номинальных членов, которые избираются по смешанной избирательной системе, т.е. половина, 299 членов, избираются в одномандатных округах путём голосования по принципу первого проголосовавшего, а ещё 299 членов выделяются из партийных списков для достижения пропорционального распределения в законодательном органе. В соответствии с пунктом 1-м 39-й статьи Основного закона выборы бундестага проводятся раз в четыре года, не ранее чем через 46 и не позднее чем через 48 месяцев после начала избирательного периода. Выборы могут быть проведены раньше в исключительных конституционных обстоятельствах: например, если канцлер утратит доверие в бундестаге, то прежде, чем депутаты смогут проголосовать за нового канцлера, канцлер может

обратиться к Федеральному президенту с просьбой распустить парламент и провести выборы.

23 февраля 2025 года состоялись досрочные парламентские выборы в Германии, вызванные распадом правящей «светофорной» коалиции в бундестаге: союза Социал-демократической партии Германии, Свободной демократической партии и партии и «Союза 90/Зеленые». В январе 2025 года Олаф Шольц объявил о проведении вотума доверия в бундестаге и назначении новых парламентских выборов в марте 2025. В ноябре оппозиционный консервативный блок ХДС/ХСС, СДПГ и «Союз 90/Зеленые» согласовали дату объявления правительству Шольца вотума недоверия, а также дату досрочных парламентских выборов. Франк-Вальтер Штайнмайер, президент Германии, официально распустил бундестаг и назначил досрочные выборы на 23 февраля 2025 года.

По результатам выборов, консервативный блок Христианско-демократического союза (ХДС) и Христианского-социального союза (ХСС) занял первое место, с 28,5 % голосов, второе место заняла партия «Альтернатива для Германии», взяв первое место во всех землях бывшей ГДР и достигла своего наилучшего результата за историю существования: 20,8 % голосов. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) показала свой худший результат выборах, набрав 16,4 % (в 2021 году это было 25,7 %). Партия «Союз 90/Зеленые» набрала всего 11,6 %, «Левые» - 8,8 % Свободная демократическая партия (СвДП) не прошла в парламент, набрав 4,3 %.

Споры о том, кто сформирует новую коалицию в парламенте продолжались на протяжении всей предвыборной кампании, что стало источником ярких метафорических образов, конструирующих политическую действительность Германии. Фридрих Мерц, новый канцлер ФРГ, на протяжении предвыборной гонки много раз апеллировал к избирателям с обещанием не формировать коалицию с Альтернативой для Германии. АдГ (нем. Alternative für Deutschland, AfD) — немецкая политическая партия ультраправой популистской идеологии, основанная в 2013 году, вызывает большое недоверие и опасение среди избирателей левых и центристских взглядов. Однако нестабильная политическая обстановка в стране и на мировой арене, европейский миграционный кризис делает риторику АдГ более привлекательной для избирателей. Несмотря на серьезные разногласия партий, прошедших в бундестаг по результатам выборов на 2025 год, лидеры готовы искать компромисс по многим вопросам с твердым решением объявить табу АдГ в парламенте и не допустить сильного влияния ультраправой партии. Метафора «BRANDMAUER» является значимым манипулятивным инструментом, разделяющим политические силы Германии на «своих» и «чужих».

3. Методология исследования и материал

Настоящее исследование базируется на теории метафорического моделирования, которая выражена в классической работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона “Metaphors We Live by” [Lakoff, Johnson, 1980]. Данная теория позволяет производить когнитивный анализ политической метафоры и применяется лингвистами при исследовании метафор в дискурсе СМИ по всему миру (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, Дж. Чартерис-Блэк и др.). Методологической основой исследования послужил характерный для современной политической метафорологии когнитивно-дискурсивный подход, т.е. исследование политической метафоры «в тесной взаимосвязи с национальными, историческими, личностными, институциональными и иными факторами» [Будаев, 2020, с. 129].

В зависимости от количества рассматриваемых сфер-источников можно выделить три типа исследований политической метафоры:

- 1) полный анализ всех наиболее важных сфер-источников метафорической экспансии определенного политического дискурса;
- 2) исследование нескольких сфер-источников, объединяемых определенными критериями (концептуальный вектор, прагматический потенциал и др.);
- 3) детальное и комплексное описание метафор, которые относятся лишь к одной сфере-источнику [Чудинов, 2003].

Материалом для настоящей работы послужили метафоры, содержащие концепт «BRANDMAUER», использованный при описании предвыборной кампании в Германии в 2025 году в текстах газет Die Zeit, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Junge Freiheit, Transparency International.

4. Метафора Brandmauer в СМИ ФРГ

Лексема *Brandmauer* (нем. противопожарная стена) активно использовалась в метафорическом смысле в политическом дискурсе ФРГ в преддверии выборов в Бундестаг в 2025 году. Термин «Brandmauer» обозначает огнестойкую стену, которая предотвращает распространение огня между зданиями. Данное сооружение имело большое применение в городах с большим количеством деревянных построек. Дуден дает данному термину следующее определение: «feuerbeständige Mauer zwischen aneinanderstoßenden Gebäuden» (огнестойкая стена между смежными зданиями) [Duden, https]. Использование данного термина в метафорическом смысле не является новшеством в немецком языке. В словаре братьев Гримм приводится пример использования понятия «Brandmauer» в переносном значении еще в XIX веке: «die junge dame hatte die alte zum schilderhaus oder zur brandmauer ihrer freundschaftlichen gefühle verbraucht» (Молодая дама использовала старую даму как караулку или *брандмауэр* для своих дружеских чувств) [Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, https]. Данный пример взят из произведения Жан-Поля «Курортное путешествие доктора Катценбергера», которое было опубликовано в 1809 году.

В политическом дискурсе «брандмауэр» используется как метафора, позволяющая провести четкую грань между левыми и центристским партиями и правым популизмом, а также правым экстремизмом. Понятие «брандмауэра» существует уже несколько лет в политическом поле Германии. Например, Фридрих Мерц упомянул крылатую фразу в 2021 году, когда вступал в должность лидера партии ХДС, сказав в журнале „Spiegel“: "Mit mir wird es eine Brandmauer zur AfD geben" (Со мной мы отгородимся брандмауэром от AfD). С тех пор Брандмауэр неоднократно обсуждался и подвергался критике в СМИ.

«Правый поворот», который наблюдается в современной политике, вызывает настороженность у приверженцев левых взглядов, которые пытаются выстроить границы между собой и своими политическими оппонентами, отгородиться от них, ограничить их влияние на социальные институты и избирателей. На протяжении всей предвыборной кампании образ брандмауэра претерпевал разные изменения, что отражало концептуальную картину многих политиков, журналистов, активистов. Так, стена между левыми и правыми «разрушалась», «укреплялась», «трескалась», «устанавливалась», «возводилась» и т.д. Различные вариации данного метафорического концепта зависят от экстралингвистического контекста и позволяют оценить его прагматический потенциал.

Одной из функций метафорического концепта «Brandmauer» является идеологическая поляризация. Используя данное метафорическое выражение, авторы политических текстов акцентируют внимание читателя на непримиримой позиции демократических сил по отношению к AfD. Ср.:

*Mit fast schon dankbarer Empörung hielten SPD und Grüne dem CDU-Kanzlerkandidaten vor, er **gebe die Brandmauer nach Rechtsaußen auf**, verlasse die demokratische Mitte und werde zum Steigbügelhalter für die AfD.» «С почти благодарным возмущением социал-демократы и зеленые упрекнули кандидата от CDU в канцлеры в том, что он **сдает Брандмауэр правым**, покидает демократическую середину и становится подспорьем для AfD.» (Die Zeit, 30.01.25)*

Журналисты апеллируют к укреплению брандмауэра, что означает протест правым, отказ от сотрудничества и поиска компромиссов. Данные метафоры также нацелены не только на политиков, но и на мобилизацию электората с левыми и центристскими взглядами. Ср.:

Brandmauer der Demokratie stärken, statt Feuer zu legen! Appell von Transparency Deutschland an die demokratischen Parteien «Укреплять Брандмауэр демократии, а не разжигать огонь! (Transparency International, 30.01.2025)

Апелляция к историческому контексту, а именно 1933, при упоминании брандмауэра усиливает угрозу демократии в восприятии современной политической реальности, что делает метафору более эмоционально заряженной. Кандидат в канцлеры Фридрих Мерц драматизирует ситуацию,

апеллирует к образу разрушения брандмауэра, т.е. разрушения защиты от правых популистов. Для нагнетания обстановки автор метафорического высказывания привлекает внимание к последствиям разрушения: исчезновению центристской партии, что может вызвать у реципиента страх отсутствия политической альтернативы и полного захвата власти правыми, что уже происходило в истории Германии. Ср.:

«Mit diesen Leuten nicht! Einmal '33 reicht», erklärte er vor einem Millionenpublikum in den Tagesthemen. «Ich bin erst der zehnte Vorsitzende der CDU Deutschlands. Und ich habe nicht die Absicht, der letzte zu sein. Wenn die Brandmauer bröckelt, ist die Existenz der CDU im Kern gefährdet.» С этими людьми нет! Один раз '33 достаточно», — заявил он перед миллионом зрителей в "Tagesthemen". «Я лишь десятый председатель CDU Германии. И я не собираюсь быть последним. Если Брандмауэр начнет крошиться, существование CDU окажется под угрозой.» (Die Zeit, 16.01.2025)

Некоторые авторы политических текстов ассоциируют трещины в брандмауэре с сотрудничеством с AfD. При этом они выражают надежду на то, что вынужденное сотрудничество с правыми на муниципальном уровне, не будет причиной полного разрушения и брандмауэр выстоит. Ср.:

Meine Hoffnung ist, dass die Brandmauer hält', sagt Wagner. Doch an vielen Stellen sei sie schon sehr brüchig geworden, besonders in der Kommunalpolitik arbeiteten andere Fraktionen mit der AfD zusammen. «Моя надежда заключается в том, что Брандмауэр устоит», — говорит Вагнер. «Но на многих участках он уже стал очень хрупким, особенно в местной политике, где другие фракции сотрудничают с AfD.» (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.02.2025)

Разочарование стремительным ростом популярности правых подчеркивает кризис, который переживают левые и центристские партии. Брандмауэр проломлен в результате выбора электората в пользу правых. Ср.:

Eine Zusammenarbeit mit der rechtsextremen und antidemokratischen AfD darf niemals eine Option sein! Die gestrige Abstimmung hat unserer Demokratie massiven Schaden zugefügt. Die oft zitierte Brandmauer wurde durchbrochen – dies ist eine traurige Zäsur in der parlamentarischen Geschichte der Bundesrepublik. Сотрудничество с праворадикальной и антидемократической AfD никогда не должно быть вариантом! Вчерашнее голосование нанесло нашей демократии серьезный ущерб. Часто упоминаемый барьер был разрушен — это печальная вежа в истории парламентаризма Федеративной Республики. (Transparency International, 30.01.2025)

После выборов в Бундестаг, которые увенчались очевидной победой AfD, политические журналисты говорят о бесполезности и пустоте лозунга. Проигрыш левых сил ассоциируется со сносом стены. Ср.:

Wer von Brandmauern spricht, hat sie schon niedergerissen Es war das zentrale Schlagwort in diesem Wahlkampf, dabei hat sich die Metapher der

»Brandmauer« längst als indifferent und beliebig erwiesen. Tom, **кто говорит о Брандмауэре, уже его снес**. Это было центральное слово в этой избирательной кампании, хотя метафора 'барьер' давно оказалась безразличной и произвольной. (*Spiegel*, 23.02.2025)

Консервативные СМИ подчеркивают саморазрушительность самого брандмауэра, который не только провоцирует раскол в обществе, но и усиливает поддержку AfD, как отчужденной группы. Ср.:

Der CDU bleibt nur noch ein kurzes Zeitfenster, die **selbstmörderische Brandmauer-Strategie** zu überdenken. «У CDU осталось всего лишь короткое время, чтобы переосмыслить **самоубийственную стратегию Брандмауэра**.» (*Junge Freiheit*, 27.02.2025)

Von der Schand- zur Brandmauer Die politische Mitte glaubt, Hüter und Bewahrer der deutschen Demokratie zu sein. In Wahrheit ist sie der Ausdruck davon, wie sehr das Land historische Realitäten verdrängt und rationale Debatten durch ideologische Abgrenzungen ersetzt. **От позора к Брандмауэру**. Политическая середина считает себя хранителем и защитником немецкой демократии. На самом деле она отражает то, насколько страна вытесняет исторические реалии и заменяет рациональные дебаты идеологическими разграничениями. (*Junge Freiheit*, 09.02.2025).

Анализ позволяет оценить прагматический потенциал метафорического концепта «Brandmauer». Данное метафорическое высказывание обладает значимыми эмотивными коннотациями. Сам образ вызывает ассоциации необходимости защиты от катастрофы и разрушения, что является примером разделения политической реальности на «своих» и «чужих». Данный образ красноречиво представляет поляризацию политической реальности и позволяет политическим агентам дистанцироваться от своих оппонентов. Исторические параллели, а именно отсылка к Веймарской республике и нацизму делают концепт мощным инструментом мобилизации, апеллируя к более зрелому электорату, для которого близки последствия послевоенной Германии. Общее разочарование в данном образе обусловлено экстралингвистическим контекстом, а именно итогами выборов в Бундестаг и победой AfD. Также данный концепт не всегда адаптируется под реальность, так как полное игнорирование такой значимой политической силы в обществе, которая легитимно пришла к власти, невозможно.

Концепт брандмауэра неразрывно связан с концептом пожара, то есть неконтролируемого горения, причиняющего вред имуществу, жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства. Таким образом, политическая борьба осмысливается не как демократическое соперничество идеологий за умы граждан, а как борьба людей против стихийного бедствия. В такой картине мира политические оппоненты – не граждане, придерживающиеся иных взглядов, а дегуманизированный образ надвигающейся катастрофы, спасением от которой является брандмауэр – то есть политика, которой придерживаются субъекты дискурса.

Метафора *Brandmauer* является примером актуализации тринарной когнитивной оппозиции человек – артефакт – стихия, в которой артефакт выполняет защитную функцию. Эта оппозиция формировалась в общественном сознании на протяжении долгого времени, сопровождая деятельность общества по защите от природных катаклизмов: дамбы возводились для защиты от водной стихии, нагельные крепления – от оползней, брандмауэры – от пожаров в деревянной застройке.

Вместе с тем анализ показывает, что востребованность метафоры *Brandmauer* ослабевает в связи с текущим «правым поворотом» в мировой политике и растущей популярностью правых идей в сознании немецких граждан, о чем свидетельствуют результаты последних парламентских выборов.

Список литературы

Бортников, В. И. Театр как отдельный фрейм в структуре комплексной метафоры "Политика – это иной мир" / В. И. Бортников, Д. А. Петрова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2021. – № 1. – С. 57–61.

Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. – Санкт-Петербург : Научное издательство СПбГУ, 2020. – 464 с. – Текст : непосредственный.

Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Будаев Эдуард Владимирович ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2011. – 48 с. – Текст : непосредственный.

Будаев, Э. В. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 75–94.

Дехнич, О. В. Метафоризация визуального компонента в современной американской политической карикатуре / О. В. Дехнич, Е. В. Середина. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 5–10.

Золотайко, А. И. Метафорический образ полиции в дискурсе общественного мнения США // А. И. Золотайко. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6. – С. 49–54.

Кондратьева, О. Н. Метафорическая интерпретация выборов Президента Российской Федерации 2018 г. в юмористической политической коммуникации (на материале анекдотов) / О. Н. Кондратьева, А. Л. Калашникова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2 (86). – С. 89–97.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

Михневич, О. И. Метафорические образы президентов Грузии Э. Шеварднадзе и М. Саакашвили: универсальные и персонифицированные метафорические модели / О. И. Михневич. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2021. – №. 4 (88). – С. 52–60.

Нахимова, Е. А. Российская лингвополитическая персонология: коммуникативный портрет регионального лидера / Е. А. Нахимова, Г. А. Ахатова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2020. – №. 1 (79). – С. 52–57.

Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика / Т. Г. Скребцова. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с. – Текст : непосредственный

Солопова, О. А. Методология диахронического исследования политической метафоры в эпоху цифровизации: теоретическое обоснование / О. А. Солопова, А. П. Чудинов. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2021. – №. 2. – С. 49–59.

Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 824 с. – Текст : непосредственный.

Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. — 248 с.

Чудинов, А. П. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2006. – № 45. – С. 167–175.

De Landtsheer Ch. Media rhetoric plays the market: The logic and power of metaphors behind the financial crises since 2006 / Ch. De Landtsheer. – Текст : непосредственный // Metaphor and the Social World. – 2015. – Vol. 5 (2). – P. 205–222.

Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 237 p. – Текст : непосредственный.

Словари

Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm : цифровая версия в Wörterbuchnetz Trier Center for Digital Humanities. – Трир. – URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/DWB> (дата обращения: 27.03.2025). – Текст : электронный.

Duden : онлайн-словарь немецкого языка. – Mannheim. – URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 27.03.2025). – Текст : электронный.

Получена: 03.02.2025

Принята: 04.03.2025

THE CONCEPT BRANDMAUER AS A SOURCE OF METAPHORICAL COMPREHENSION OF POLITICAL STRUGGLE IN THE GERMAN MEDIA

K. V. Pologova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
xeniapologova@gmail.com

Abstract: The article examines the cognitive-discursive features of the metaphorical concept Brandmauer (firewall) as a means of metaphorical interpretation of political struggle in German media. This metaphorical concept demonstrates significant pragmatic potential through its strong emotive connotations and associations with protection against catastrophe. The image contributes to the polarization of political space, dividing it into "US" versus "THEM." Historical parallels with the Weimar Republic and Nazism play a crucial role in invoking this concept, making it an effective tool for voter mobilization. The Brandmauer metaphor dramatizes political struggle, framing it as resistance to a natural disaster, which leads to the dehumanization of opponents. The concept activates the cognitive opposition human – artifact – natural force, deeply rooted in public consciousness through historical disaster prevention practices. An analysis of the concept's usage in post-Bundestag election media reveals its declining relevance, influenced by shifts in the political landscape, the "right-wing turn" in European politics, and the electoral success of the AfD.

Keywords: concept; conceptual metaphor; political discourse; Bundestag elections; German media; cognitive "US-THEM" opposition.

References

- Bortnikov, V. I. & Petrova, D. A. (2021). Teatr kak otdel'nyy freym v strukture kompleksnoy metafory "Politika – eto inoy mir" [Theater as a Separate Frame in the Structure of the Complex Metaphor "Politics is Another World"]. *Aktual'nyye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, 1, 57–61.
- Budaev, E. V. & Chudinov, A. P. (2006). Stanovlenie i evolyuciya zarubezhnoy politicheskoy lingvistiki [Formation and evolution of foreign political linguistics]. *Politicheskaya lingvistika*, 20, 75–94.

Budaev, E. V. (2011). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative Political Metaphorology]. [Thesis abstract, Ural State Pedagogical University].

Budaev, E. V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative Political Metaphorology]. Saint Petersburg: Naukoemkie tekhnologii.

Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii: monografiya* [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication: A Monograph]. Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet.

Chudinov, A. P. & Budaev, E. V. (2006). Diskursivnoe napravlenie v zarubezhnoj medialingvistike [Discursive direction in foreign medialinguistics]. *Bulletin of the Ural State University: Series 1: Problems of education, science and culture*, 45, 167–175.

De Landtsheer, C. (2015). Media rhetoric plays the market: The logic and power of metaphors behind the financial crises since 2006. *Metaphor and the Social World*, 5(2), 205-222.

Dekhnich, O. V., & Seredina, E. V. (2019). *Metaforizatsiya vizual'nogo komponenta v sovremennoy amerikanskoj politicheskoy karikature* [Metaphorization of the Visual Component in Modern American Political Cartoons]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 16(1), 5-10.

Kondratyeva, O. N., & Kalashnikova, A. L. (2021). Metaforicheskaya interpretatsiya vyborov Prezidenta Rossiyskoy Federatsii 2018 g. v yumoristicheskoy politicheskoy kommunikatsii (na materiale anekdotov) [Metaphorical Interpretation of the 2018 Russian Presidential Elections in Humorous Political Communication (Based on Political Jokes)]. *Politicheskaya lingvistika*, 2(86), 89-97.

Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., & Luzina, L. G. (1996). *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago : University of Chicago Press.

Mikhnevich, O. I. (2021). Metaforicheskiye obrazy prezidentov Gruzii E. Shevardnadze i M. Saakashvili: universal'nyye i personifitsirovannyye metaforicheskiye modeli [Metaphorical Images of Georgian Presidents E. Shevardnadze and M. Saakashvili: Universal and Personified Metaphorical Models]. *Politicheskaya lingvistika*, 4(88), 52-60.

Nakhimova, E. A., & Akhatova, G. A. (2020). Rossiyskaya lingvopoliticheskaya personologiya: kommunikativnyy portret regional'nogo lidera [Russian Linguo-Political Personology: The Communicative Portrait of a Regional Leader]. *Politicheskaya lingvistika*, 1(79), 52-57.

Skrebtsova, T. G. (2011). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Saint Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU.

Solopova, O. A., & Chudinov, A. P. (2021). Metodologiya diakhronicheskogo issledovaniya politicheskoy metafory v epokhu tsifrovizatsii: teoreticheskoye obosnovaniye [Methodology of Diachronic Research on Political Metaphor in the Digital Age: Theoretical Foundations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9: Filologiya, (2), 49-59.

Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: A Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Zolotaiko, A. I. (2018). Metaforicheskiy obraz politsii v diskurse obshchestvennogo mneniya SShA [The Metaphorical Image of Police in US Public Opinion Discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, (6), 49-54.

Dictionaries

Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities. – Trier. – URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/DWB>

Duden: Online Dictionary of the German Language. – Mannheim. – URL: <https://www.duden.de>

Submitted: 13.02.2025

Accepted: 04.03.2025

Информация для авторов

Правила предоставления рукописей

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов в области истории и филологии.

К рассмотрению принимаются статьи, представляемые к публикации впервые, не опубликованные ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Статья должна содержать результаты выполненного авторами самостоятельно оригинального исследования, характеризующиеся отчетливой научной новизной, актуальностью, теоретической и практической значимостью.

Все статьи проходят проверку на плагиат.

Редакция принимает материалы объемом от 20 до 40 тыс. знаков с пробелами (1 авт. л.). Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов — до 8 тыс. знаков. По согласованию с редакцией журнала объем текста может быть увеличен.

В редакцию высылаются:

1. Файл с текстом статьи (именуется «Фамилия_первые слова названия статьи»).

2. Файл «Фамилия_данные об авторе», в которой помещается следующая информация:

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Официальное наименование места работы, должность, учёная степень, учёное звание автора.
- Контактная информация (служебный адрес с почтовым индексом, номер телефона, электронная почта).
- Название статьи.

3. Подписанный текст согласия (сканированная копия) на опубликование в открытой печати текста статьи и индивидуальных сведений автора (авторов). Образец бланка согласия представлен в Приложении 2.

4. Для работ авторов, не имеющих ученой степени, требуется рекомендация научного руководителя или рекомендация кандидата/доктора наук по специальности статьи в виде сканированного текста с подписью и контактными данными. Файл именуется «Фамилия_Рекомендация».

Тексты высылаются в форматах .doc, .docx, .tif. Электронные версии рисунков (в форматах .bmp, .png, .jpg, .tif) высылаются отдельными пронумерованными файлами (названия файлов: «рис. 1.», «рис. 2» и т.д.).

Адрес для отправки материалов по электронной почте: uzntgspi@yandex.ru

Статьи, оформленные с нарушением требований журнала, возвращаются авторам на доработку.

Требования к оформлению статей в журнале «Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология»

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см, левое и правое — 2,5 см. Шрифт Times New Roman, кегль 14. Интервал одинарный, абзацный отступ 1 см.

Ссылки оформляются согласно ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Например: [Иванов, 1999, с. 56], [Теория метафоры, 1990, с. 67], [Лакофф, 2001; Чудинов, 2001].

В лингвистических статьях иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение и т. п.) в тексте статьи выделяется курсивом. Толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘...’. Ссылка на источник приводимого иллюстративного материала дается после примера в круглых скобках (внутритекстовая ссылка): *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Новая газета. 2007. № 7).

Источники оформляются в виде нумерованного списка литературы в алфавитном порядке. Библиографические записи в списке литературы оформляются согласно ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовок», ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы

Книги одного автора

Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 151 с. – Текст : непосредственный.

Книги двух авторов

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Флинта, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Книги трех авторов

Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва : Дрофа, 2000. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Книги четырех авторов

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

Книги пяти и более авторов

Распределенные интеллектуальные информационные системы и среды / А. Н. Швецов, А. А. Суконщиков, Д. В. Кочкин [и др.]. – Курск : Университетская книга, 2017. – 196 с. – Текст : непосредственный.

Книги под заглавием

Теория метафоры : сборник научных статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

Диссертации

Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кушнерук Светлана Леонидовна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2016. – 567 с. – Текст : непосредственный.

Авторефераты диссертаций

Величковский, Б. Б. Функциональная организация рабочей памяти : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Величковский Борис Борисович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 44 с. – Текст : непосредственный.

Многотомное издание в целом

Голсуорси, Д. Сага о Форсайтах : в 2 томах. / Д. Голсуорси ; перевод с английского М. Лорие [и др.]. – Москва : Время, 2017. – Текст : непосредственный.

Статьи из журналов

Серио, П. От любви к языку до смерти языка / П. Серио. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 118–123.

Вепрева, И. Т. Перегрузка / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 119–122.

Влияние психологических свойств личности на графическое воспроизведение зрительной информации / С. К. Быструшкин, О. Я. Созонова, Н. Г. Петрова [и др.]. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 4. – С. 136–144.

Статьи из сборников, книг

Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – Москва : Издательство МГУ, 1997. – С. 276–339.

Электронные ресурсы локального доступа

Основы системного анализа и управления : учебник / О. В. Афанасьева, А. А. Клавдиев, С. В. Колесниченко, Д. А. Первухин. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Романова, Л. И. Английская грамматика : тестовый комплекс / Л. Романова. – Москва : Айрис : MagnaMedia, 2014. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : Изображение. Устная речь : электронные.

Электронные ресурсы сетевого распространения

Яницкий, М. С. Ценностная детерминация инновационного поведения молодежи в контексте культурно-средовых различий / М. С. Яницкий. – Текст : электронный // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 34. – С. 26–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13024552> (дата обращения: 29.05.2018).

В статье приводятся данные об авторах, аннотация (100–150 слов), ключевые слова и список литературы на английском языке, оформленный согласно требованиям APA Style. На сайте <http://translit.ru/> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (последовательность действий: выбираем стандарт BGN, помещаем библиографические ссылки из русскоязычного списка в рабочее поле и нажимаем кнопку «в транслит», копируем получившийся текст). После транслитерации названия источника приводится его перевод на английский язык в квадратных скобках.

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы на английском языке (APA Style)

Книги

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. London: Publisher.

Jones, A.F. & Wang, L. (2011). *Spectacular creatures: The Amazon rainforest* (2nd ed.). San Jose: Publisher.

Williams, S.T. (Ed.). (2015). *Referencing: A guide to citation rules*. New York: Publisher.

Глава в книге

Troy, B.N. (2015). APA citation rules. In S.T. Williams (Ed.), *A guide to citation rules* (pp. 50–95). New York: Publishers.

Статьи в журналах

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81–95.

Диссертация

Kabir, J. M. (2016). *Factors influencing customer satisfaction at a fast food hamburger chain* [Doctoral dissertation, Wilmington University].

Электронный текст

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81-95. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Образец оформления статьи

УДК 811.111'42

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А. Б. Иванов

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
ivanov@gmail.com

П. Н. Петров

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
petrov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные имена из сферы-источника «Литература» в СМИ Великобритании (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) за последние десять лет (2010—2019). Для изучения данных прецедентных имен применялись когнитивно-дискурсивный анализ и приемы лингвокультурологического описания. Сделан вывод о том, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным источником прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров, составляющего 400 прецедентных имен). Выявлено, что британские журналисты регулярно обращаются в своих текстах к именам героев из классических произведений английской литературы. Вместе с тем показано, что ведущее место по частотности актуализации и продуктивности занимают прецедентные имена, ставшие популярными в последние десятилетия, что в первую очередь относится к героям романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Таким образом, анализ показал, что функционирование прецедентных имен зависит не только от когнитивных и культурных, но и от дискурсивных факторов.

Ключевые слова: прецедентное имя; прецедентные феномены; интертекстуальность; СМИ Великобритании; дискурс СМИ; литературные персонажи.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 01-234-56789.

1. Введение

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имен (далее — ПИ) [Богоявленская, 2015; Будаев, 2019; Гудков, 2020; Зырянова, 2016; Нахимова, 2011]. Согласно определению В. В. Красных, ПИ — «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии

гии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных, 2002, с. 172].

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужили ...

В настоящей работе используется методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником «Литературные персонажи».

3. Анализ

Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.

Таблица 1 – Название таблицы

U	A (%)	B (%)
X	8	14,6
Y	92	85,4
Всего:	100	100

Текст. Текст.

4. Заключение

Итак, наши наблюдения показывают, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным ресурсом прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров ПИ). Особенность функционирования ПИ из данной сферы-источника заключается в том, что...

Список литературы

Богданович, Г. Ю. Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма / Г. Ю. Богданович, Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 8–20.

Гудков, Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. – Москва : Ленанд, 2020. – 200 с. – Текст : непосредственный.

Budaev, E. V. Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – Текст : непосредственный // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. – 2017. – Vol. 1. – P. 60– 67.

Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 4. – P. 252– 265.

LITERARY CHARACTERS AS A SOURCE DOMAIN OF PRECEDENT NAMES IN THE UK MEDIA

A. B. Ivanov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
ivanov@gmail.com

P. N. Petrov

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
petrov@gmail.com

Abstract. The article deals with precedent names from the source domain “Literature” in the UK media (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) over the past ten years (2010–2019). The methods of cognitive-discourse analysis and cultural description of language were used to study the precedent names. It is concluded that the source domain “Literary characters” is the most demanded source of precedent names in the British media (26 % of the total body of examples, which is 400 precedent names). It was revealed that British journalists regularly refer to the names of characters from the classical works of English literature in their texts. At the same time, it is shown that the leading place in terms of frequency of actualization and productivity is occupied by precedent names that have become popular in recent decades and which primarily refer to the characters of J. Rowling's Harry Potter novels. Thus, the analysis showed that the functioning of precedent names depends not only on cognitive and cultural, but also on discursive factors.

Key words: precedent name; precedent phenomena; intertextuality; UK media; media discourse; literary characters.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 01-234-56789

References

Bogdanovich, G. Yu., Nakhimova, E. A., & Segal N. A. (2019). Bibleyskiye motivy kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma [Biblical motifs as the source of the creation of media image of the Crimea]. *Yazyk i kultura*, 47, 8–20.

Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2017). Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 60–67.

Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.

Kennedy, V. (2000). Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. *Metaphor and Symbol*, 15, 252–265.